

A watercolor illustration of a woman's face, focusing on her eyes and nose. The style is soft and painterly, with visible brushstrokes and a warm, muted color palette. The background is a textured, light brownish-gold. In the top right corner, there is a circular badge with the text '18+'.

18+

Дотянуться до Солнца

Рита Одер

Рита Одер

Дотянуться до солнца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67958273

SelfPub; 2022

Аннотация

В центре повествования девушка по имени Татьяна, родившаяся на постсоветском пространстве в нелёгкий период распада огромной страны со сложной судьбой. Эта повесть о дружбе и её становлении, о большой мечте и тернистом пути к ней и о том, как дотянуться до солнца в попытке найти себя, пройдя сквозь отчаянье и возрождение.

Содержание

«Назначающая»	5
Странная компания	14
Кочевник	18
Трансформация	28
Краеугольный камень	33
Следующий	40
Откровение	50
Нокаут	58
Озарение	80
Все идет по плану	87
Эпилог	93

Рита Одер

Дотянуться до солнца

«Солнце не знает правых. Солнце не знает неправых.

Солнце светит без цели кого-то согреть...»

Японская поговорка.

«Назначающая»

«Я буду жить в Америке», неожиданно для всех в разгар загулявшегося вечера сказала Татьяна¹. Остолбеневшая от неожиданности и впавшая в припадок радости от того, что ее ребёнок наконец-то издал первые звуки, Татьянина мама выронила из рук вилку, на которую был насажен малосольный огурчик собственного посола с целью закуски горячительного. Пытаясь не спугнуть внятную речь ребёнка, от которого ровно до второго года от роду не было слышно ни звука, мама сделала серьёзное лицо, но в то же время, пытаясь призывно улыбаться, спросила:

– Почему, деточка моя?

– Там дома большие, – непринуждённо ответила Татьяна, говоря на чистом языке, не гнуся, не шипя и никаким иным образом не коверкая звуки родного русского. Тут же раздался хохот гостей, мама плакала от счастья, понимая, что у ребёнка нет дефекта речи и он не немой, как она думала все эти два года. Не слышав от дочери даже плача по ночам, она сначала облегчённо вздыхала, затем же вздыхала озабоченно и тревожно.

И вот теперь, в день своего рождения, дочь вдруг сказала какие-то нелепые фразы для ребёнка, родившегося в Совет-

¹ Татьяна – с греч. Назначающая, предписывающая, направляющая.

ском Союзе. Тут же радость мамы стала поводом для тоста. Татьяне всучили плюшевого медведя странного красно-жёлтого цвета с огромными пуговицами вместо глаз и отправили играть с сестрой в соседнюю комнату. Неожиданное заявление Татьяны стало кульминацией вечера. После чего взрослые по привычке хвалили правительство, жаловались на жизнь и дефицит сгущенки и масла и удивлялись, почему для своих первых в жизни слов Татьяна выбрала именно этот день и именно эти слова. Которые, в принципе, вскоре всеми глубоко позабылись.

И неудивительно, что такие глупости, вылетевшие из уст двухлетнего ребенка, вскоре забылись. Время было не из легких. Советский союз братских республик трещал по швам, будущее было неизвестным, казалось смутным, пугающим. Заводы и фабрики закрывались, безработица не коснулась только единиц людей, остальные промышляли как могли и чем могли, чтобы выжить и обменять связанные носки на килограмм сахара и пачку чая. Браки рушились, семьи распадались, отцы, привыкшие быть добытчиками и кормильцами семей, заливали безысходность никчемного существования алкоголем. Сильный пол прогибался и чах под тяжестью сложившихся обстоятельств и личных принципов. Даже совесть и здравый смысл не могли заглушить в них чувство вины и беспомощность, в которой очутились многие семьи постсоветского периода. В одночасье все, к чему призывал главный покойник страны, то, за что было положено

много жизней и сил – священная идея коммунизма – рухнуло. И очнулся однажды народ уже не в Союзе Советских Социалистических Республик, а каждый в своём царстве-государстве. Участь распада семьи и борьба с алкоголизмом коснулись и Татьяниной семьи.

Уже в юном возрасте Татьяна поняла, что в жизни нужно надеяться только на себя и женщин. Отец Татьяны, как и многие, не выдержал потерянного статуса главы семьи и утонул в вине в поисках истины и своего жизненного назначения. Почему-то, странным образом, в это смутное время женщины были более предпочтительны на рабочих местах. Мать Татьяны работала на трех работах, чтобы прокормить двух дочерей и мужа, бывшего инженера, который никак не мог найти себя в новой стране. Или женщины были, скорее, более непритязательными, более практичными и не боялись грязной работы, падали с вершин, отряхивались и, не задумываясь о прекрасном прошлом, шагали в неизвестность за настоящим. Такие женщины не могли терпеть рядом с собой романтиков-неудачников, знающих себе цену. Вот и Татьяна мать не заставила себя долго уговаривать и не испытывала собственное терпение, а выставила мужа из дома с недопитой бутылкой водки и старым самолатанным чемоданом. Две ее малолетние дочери, четырёх и шести лет, из которых Татьяна была младшей, с детства поняли, что женщина – сильный пол. Это независимое существо, которое не теряет лица и достоинства, чем бы оно ни занималось, потому

что оно – женщина. В семье Татьяны воцарился матриархат.

Отец то ли из-за трусости, то ли из чувства стыда, то ли по наглости так и не давал о себе знать, давая тем самым понять, что он предпочел уже сложившейся семье заветную формулу C_2H_5OH . Однажды в погоне за горячительным он умудрился недоползти до алкогольного ларька несколько метров и прикорнул в сугробе. В крещенские сибирские морозы. Кто-то в тот поздний час всё-таки осмелился выйти в -40 на улицу и увидел беспомощного пьяницу. Карета скорой помощи доставила его сразу на операционный стол, где ему ампутировали уже почерневшие ноги и кисть левой руки. Убегая от постсоветской депрессии и беспомощности он превратился в ещё более, теперь уже физически беспомощного человека. Единственный, кто его любил и мог принять в любом состоянии – это была его мать. К ней он и направился, закатываясь на инвалидном кресле в вагон поезда. Он уехал в соседний город О. В другое государство – в Россию. Там он поселился у матери, которая тоже была слишком стара для того, чтобы выхаживать взрослого сына-инвалида. На помощь пришла сестра.

И так он снова оказался среди женщин, ухаживающих за ним, работающих, трудящихся. Но теперь быть инвалидной алкоголезависимой обузой под старость лет ему было совсем неудобно. И даже стыдно. Еще раз пожалев себя самого, он предпринял несколько попыток самоубийства. Но одной рукой причинить себе еще больший вред, чем он уже причи-

нил, было сложно. Вскрытие вен сорвалось, повешение было также неудачным ходом. Как ни старался он освободить мир от себя, ничего не получалось. Время шло, и он уже смирился с тем, что судьба, которую он сотворил собственными руками, уготовила ему такую нелегкую жизнь. Он перестал жаловаться, перестал думать, перестал пить. Перешел на сигареты и, утопая в депрессии, зависел от женщин.

Его дочь Татьяна тем временем росла маминой радостью и горестью одновременно. Никто не мог похвастаться более эрудированным ребенком, более талантливым и более правильным во всех моральных смыслах. В школе она училась только на отлично, ходила в музыкальную школу по классу фортепиано, пела в школьном хоре, посещала индивидуальные занятия по вокалу, учила внеклассно английский язык, играла в драмкружке, а в свободное время читала книги на самые разнообразные темы и рисовала точные портреты, словно делала фотографии. Когда ее вокальный талант стал выходить за рамки школьного хора, она с друзьями организовала собственную группу, писала стихи и клала на них мелодию, которую тоже вытворяла из собственной головы. В общем, о таком ребенке можно было только мечтать, если бы не одно «но», которое включало в себя очень многие подпункты: Татьяна была готом. Было когда-то в нулевые, примерно 10 лет спустя после коллапса союза республик, модно самовыражаться и самоопределяться. Эстрада пестрела чокнутыми людьми, народ пестрел фантазией и удивительно

глупой способностью подражать всему и всем. Были рэперы – приверженцы черной музыки американских гетто, неформалы, короновавшие Цоя и приносящие в жертву свои малолетние неокрепшие умы, были готы, которые верили в загробную жизнь, реинкарнацию, увлекались эзотерикой, в общем, слушали мрачные песни и Библией их были тексты песен мутного Мэрлина Мэнсона, фильм «Ворон» обязательным к просмотру, а Брендон Ли – секс-символом и примером того, как можно скоростно скончаться так, что даже через 20 лет твоя смерть будет окутана тайной и мистикой. Они не боялись смерти и даже хотели ее испытать, т.к. были уверены, что потом переродятся в нечто высшее.

Татьяна была настоящей готессой. Черные ажурные юбки в пол, тяжелая черная лакированная обувь на шнуровке, черный кардиган с рюшами, черный кожаный плащ, черная шапочка и шарф, все это прекрасно дополняло ее темный макияж и черный облупившийся лак на ногтях. Готов часто называли сатанистами. И при виде этих экземпляров хотелось действительно перекреститься и выкрикнуть «чур меня». Они думали, что любят черную магию, т.к. это плохо, запрещено и противоречит религии. Они резали себя, оставляя шрамы в форме сатанинских пиктограмм на руках и других частях тела. И, конечно, делали татуировки с определенным мистическим символизмом. В общем, странноватая это была субкультура. И уж тем более для людей предыдущего поколения. Татьянина мама часто плакала, глядя на то, как

бабушки у подъезда молитвенно причитают, завидев ее дочь, прижимая распятие к груди, как предрекают ей гореть в аду за ее жуткий макияж и пугающие наряды, какими нелестными эпитетами описывают ее учителя на собраниях и даже собственные друзья упрекали маму в неправильном воспитании, приговаривая «всыпать бы ей хорошенько». Но кроме пугающего вида к Татьяне претензий не было. Она была добрым, заботливым, чувственным, понимающим подростком, никогда не грубила матери, помогала во всем и лишь иногда приходила домой «на рогах». Это была часть её мира, т.к. готы были великие экспериментаторы и знахари. Напившись манаги² с целью войти в транс и понаблюдать свое тело со стороны чисто из познавательных целей, а не ради удовольствия или получения кайфа, Татьяна, бывало, перebarщивала. Хотя что уж говорить, с алкоголем готы были на короткой ноге, да ещё при том являлись известными травокурами. Но у Татьяны было достаточно понимания и уважения к маме, чтобы не позволять себе являться домой, пока «не отпустит».

Настоящей готессой Татьяна была еще и потому, что по синей лавочке далась не менее синему энтузиасту, вообразившему себя мастером тату-ремесла. На самом деле, молодой человек по прозвищу Череп не просто не был мастером, он в принципе не мог прямой линии нарисовать. Но после того, как человек побывал в астрале и понял, что тело есть не

² напиток из конопли, сваренный на коровьем молоке

что иное как никчёмная оболочка микрокосмоса, становится все равно, что с этой брэнной оболочкой произойдет. И вот, не чувствуя боли, громко смеясь от очередного «прихода», Татьяна стала обладательницей татуировки в форме летучей мыши. Кровопийца, житель пещер и шуршащий ужас ночи – что может быть более подходящим отображением готического сознания? Лишь утром, преодолевая головную боль, Татьяна поняла, что художество «Череп» было совсем не тем изображением, которое можно было бы с гордостью продемонстрировать знакомым. Летучая мышь была настолько крива и асимметрична по форме, что больше напоминала чернильную кляксу, чем маленький значок для вызова Бетмэна. И это была не хна. И не какой-то временно несмысливающийся декоративный материал. Это были самые настоящие чернила, которые вводились под кожу иглой. Точно, как зеки рисуют себе голых женщин на фоне червовых тузов на зоне. Таким образом Татьяна получила клеймо на всю жизнь, как награду за взятие астрала под манагой.

Готическое безумство, к счастью для ее матери, длилось недолго. Татьяна заканчивала школу с золотой медалью, а затем она планировала поступать в ВУЗ в городе О, где проживал жизнью овоща ее отец, о котором она совсем ничего не знала и которого, конечно же, не помнила. Директор на последнем звонке с двоякими чувствами перекрестился и поздравил Татьяну с прекрасным окончанием школы, пожал ее тяжелую от железных шипованных украшений руку,

взглянул на ее черные сеточные колготы и черные банты в волосах и понял, что это был все-таки лучший день в его жизни. Через несколько месяцев Татьяна уже пугала своим внешним видом жителей города О.

Странная компания

– Рита! Знакомься, эта девочка тоже из Казахстана. Даже с твоего же города, – воодушевленно представила мне Татьяну моя одноклассница Дарина. «Что серьезно? Несите мне распятие!» —пронеслось у меня в голове, и, наверное, промелькнуло бегущей строкой на моем совсем не умеющем скрывать эмоции лице. Я же решила быть вежливой, но пальцы в кармане своего розового пальто на всякий случай скрестила:

– Привет! Что серьезно, тоже из П?

Татьяна, судя по всему, тоже не умела особо скрывать свои истинные умозаключения, но тоже решила быть вежливой и не посылать меня к «аццкому сотоне» сразу. Это я поняла по ее короткому ответу «да».

Крашенную блондинку в розовой панамке, в розовом пальто и на 10-ти сантиметровой шпильке можно было вполне себе не достаивать своей многословностью. Но нас было двое. Я и моя одноклассница Дарина, открытый всему миру и максимально позитивный человек, свободный от любых предубеждений и дающий шанс всем. Она была нещадно «перегидроленной» блондинкой, не гнушающейся любой цветовой гаммой и любым стилем одежды. Ее можно было увидеть как в джинсовой мини-юбке, на шпильке и в какой-то розово-голубой кофточке с рюшечками, так и в дра-

ных джинсах, лоснящейся косухе и в кедах. Я, в отличии от Дарины, была менее толерантным человеком, менее открытым и менее позитивным, но за счет своей экипировки и завитых соломенных кудрей, розовой помады и наивно приподнятыми бровками создавала впечатление типичной тупой П. В тот день Дарина была как раз в чем-то черном и в хорошем расположении духа. Профессор усыпляюще-монотонно читал какой-то нудный материал с листа. Время тянулось черепашьям темпом, было невыносимо скучно, что располагало к безделию, и она решила разболтать Татьяну. На теме "блондинства" с Дариной мы сошлись в первый же учебный день. Будучи экстравертом, Дарина устанавливала контакты со всем, что движется и разговаривает по-русски. Татьяна, будучи непонятой социумом, склонялась больше к интровертизму, но, как известно, при правильном подходе любой интроверт становится тем еще болтуном. Так и случилось с этими, как могло показаться с первого взгляда, совершенно разными людьми. Дарина своей харизмой и природным любопытством растопила холодное готическое сердце неприступной Татьяны.

Я же, будучи больше человеком осторожным и очень избирательным в своих знакомствах, не смогла принять Татьяну с первого раза. Но неподдельный интерес моей блондинистой соратницы к Татьяниной персоне подогревал и мое любопытство. Все-таки с субкультурой готов я была не особо знакома, а адекватных людей в университете не наблюдалось

настолько, что даже какая-то замороченная готесса мне казалась пределом моих удачных знакомств в новом городе. Так сформировалась наша странная компания: две блондинки и готесса. По мере отхода от общих тем для разговоров, наши отношения становились дружелюбнее и доверительнее. Несмотря на такие разные наружности, черты характера и, совершенно разным образом проведенные детские и юношеские годы, когда этот характер как раз закладывался, мы сошлись на одной общей теме интересов: английский язык как средство общения, понимания любимых фильмов, книг и песен в оригинале, а в перспективе – как средство свалить из страны. Мы были лучшими студентками курса: прекрасные оценки, безукоризненная посещаемость. Только вот народ никак не мог понять, что же нас объединяло? Карамельная блонди, в образе легкомысленной Барби, в неизменно розовом, пепельная блонди в гриндерсах и косухе, готесса в лучших традициях жанра.

А объединяла нас чужбина. Каждый из нас чувствовал себя не на своем месте. Дарина, хоть и была коренной уроженкой города О, чувствовала себя с ранних лет изгоем в собственном доме. За 22 года жизни в одном и том же месте, казалось бы, можно нарастить вполне себе стабильный круг общения. Но у Дарины никак не получалось иметь друзей. При всей ее открытости и других качествах, располагающих к беспроблемным контактам, окружение ее не принимало. Ни в школе, ни в колледже, где она училась до универси-

тета, ни в кружках, которые она посещала, ни во дворе, ни даже в семье она не находила единомышленников. Суровая сибирская реальность заточивала людей на то, чтобы выживать, формировала характер таким образом, что люди работали, чтобы жить, чтобы мириться с окружающей несправедливостью и бесчинством, чтобы процветало взяточничество, чтобы издевались над слабыми, чтобы побеждал тот, у кого больше власти, денег, авторитета. Дарина была таким идеалистом и не хотела мириться с тем, что что-то происходит не по совести, хотела делать так, как она хочет, а не так, как ждет окружение, не хотела оправдывать чьи-то ожидания и думать о том, что скажут люди, не хотела быть кому-то чем-то должной, потому что «так заведено», не могла терпеть незащищенность слабых и беспомощных. В общем, Дарина была обречена на одиночество в городе О. Мы же с Татьяной были по своим мировоззрениям близки к Дарининым идеалам, а помимо этого были еще и приезжими, так что чужбина была у каждого своя, и именно она стала основным фактором притяжения между нами.

Кочевник

Сначала Татьяна жила в съемной комнате у какой-то бабули в часе езды от университета. Это было максимально неудобно и дорого. Чтобы получить комнату в общежитии нужно было подождать пару месяцев, благо Татьянин козырь был в том, что она была иногородняя. Бабуля-квартиродатчица была не очень современных взглядов и при виде Татьяны снова уверовала во Всевышнего. Хотя Татьяна была крайне неприхотливой квартиранткой и вообще имела уважение перед старшими, какими бы тронутыми они ни были (издержки воспитания), но терпеть безумные глаза старухи и какие-то странные шептания по ночам под дверью она уже не могла. Бабуля, ведомая наживой, тем не менее, не могла упустить такой шанс – срубить бабосов за свою койку, пусть даже девочка-квартирантка больше напоминала посланника самого дьявола. Будучи приезжей, Татьяна плохо ориентировалась в ценах на жилье. Квартирный вопрос должен был решиться максимально быстро, иначе все Татьянины готические корсеты рисковали быть запертыми в вокзальной камере хранения на неопределенный срок, а сама Татьяна, слишком гордая, чтобы возвращаться в маленькое городишко П «на щите», оказалась бы в вокзальной ночлежке. Поэтому первое попавшееся объявление о сдаче койки было воспринято как послание свыше.

И все же, большую часть времени Татьяна проводила у толерантной и открытой всему миру Дарины. После пар они вместе делали домашние задания, т.к. на тот момент у Дарины знания английского языка были на довольно слабом уровне, что нельзя было сказать о Татьяне, которая была одной из самых сильных студенток вуза по профилирующему предмету. Она даже участвовала в олимпиаде среди первокурсников вместе со мной, где мы снисходительно получили второе место, имея высший балл за все задания в конкурсной программе и далеко оторвавшись от «блестящих умов» бюджетников. На творческой части наши результаты занизили до максимально дозволенного бесприличия, чем вызвали волну «бууу» со стороны нашей группы поддержки при оглашении общих результатов конкурса. После нас вызвал на аудиенцию куратор этого театра абсурда под названием «лингвистическая олимпиада» и с бесстыдным откровением заявил, что на самом деле наши результаты были намного выше. Его вынудили поставить минимальный балл, так как «нельзя, чтобы в олимпиаде победили студенты на платном обучении». От такой наглости мы сначала переглянулись с Татьяной в недоумении, а потом направили свои воспаленные взгляды на этого беспомощного и глупого человека, что тот, в свою очередь, тут же почувствовал ничтожность своего бытия. Боль от осознания того, что твое происхождение, статус, даже факт того, что у твоих родителей не было денег дать на лапу нужным людям в деканате, чтобы те-

бя зачислили не по уровню знаний, а по толщине кошелька на бюджетное место, вынудила нас работать в направлении поиска лучшей жизни за бугром с еще большим упорством. Почему-то мы были уверены, что американская мечта может сложиться и у девчонок из Казахстана.

Чтобы вырваться из этого общества, где твое упорство, мозги, креативность, работоспособность, сообразительность, прилежность, целеустремленность ни в коем случае не считаются залогом успеха, нужны были деньги. Много денег. В то время очень популярной была программа «Work and Travel». Условия участия были достаточно простыми:

- нужно было обязательно быть студентом, зачисленным на очное отделение ВУЗа;

- нужно было зазубрить ответы на стандартные вопросы для собеседования в американском посольстве и суметь их распознать.

Да-да. Любопытно, но знания английского языка на более или менее сносном коммуникативном уровне не требовались вообще. Ошалелые студенты из постсоветского пространства были настолько доведены до ручки на своей родине, либо настолько жаждали получить острые ощущения от борьбы за выживание, что готовы были мигрировать на чужбину, даже не умея читать на английском языке.

И последним условием было, всего-ничего, наличие трех тысяч американских ассигнаций, которые пропорционально расходовались на оформление документов, поиск работода-

теля на летние каникулы в США, оформление визы, билет на трансатлантический рейс и карманные расходы на первое время, пока не придет первая зарплата на «кэш чек».

Схема довольно проста. Многие отчаянные путешественники, которые попадали в страну грез по программе «Work and Travel» на 4 месяца, влюблялись в ощущение себя повелителем мира и хватались за любые возможности остаться там навсегда: фиктивный брак за вознаграждение или без; поиск политического убежища, вообразив себя представителем ЛГБТ-сообщества, ущемленного в правах в консервативном социалистическом обществе; запись на курсы по английскому с перспективой обучения; оформление рабочей визы на долгосрочный период. В общем, главное было – попасть на другой континент. А там – фантазия и чудо в компании со случаем и прозорливым умом могли сулить светлое будущее и, наконец, полное использование и развитие своего потенциала для достижения всеобъемлющего счастья. Главным камнем преткновения для многих мечтателей был, конечно же, пункт третий.

Происхождение Татьяны не было из привилегированных благородных семей: Мать, работающая по сменам за гроши, которых едва хватало, чтобы прокормить себя и немного отложить для детей; сестра, которая зарабатывала на жизнь пошивом одежды на заказ, что было так же нестабильным и невысоким заработком. Отец, который вдруг пообещал-

ся помочь с обучением в городе О, видимо, не рассчитывал на согласие дочери, и предложил свою помощь в надежде, что гордость матери не допустит этого знакомства. Когда же Татьяна все-таки нарисовалась в городе О, зачисленной в местный ВУЗ, ему пришлось обратиться к своей сестре за помощью. Та, стиснув зубы, все-таки согласилась отчислять немного денег на Татьянино существование, чем Татьяна была одновременно эмоционально обременена, озадачена и мотивирована: ей хотелось как можно скорее избавиться от этой «поддержки».

Метод побега из «совка» Татьяна взяла себе на заметку, но ей пока что смутно представлялось, что она в ближайшие пару лет сможет этот план осуществить, имея в распоряжении на проживание две тысячи российских рублей, по сусекам наскребленных стареющей матерью, и оплачивая свое проживание из кармана тетки, которая в любой момент могла перекрыть этот вентиль, просто повздорив с беспомощным отцом Татьяны.

Через пару месяцев проживания у старухи Татьяне предложили комнату в общежитии, на что юная готесса выдохнула с облегчением, закатив глаза, и уверовав уже не в «аццкого сотону», а во Творца Всевышнего. Видимо, шептания под дверью со стороны старухи были направлены на конвертирование Татьяны в богопослушного человека, и молитвы сработали. Собрав свои немногочисленные пожитки, Татьяна переселилась в комнату, за которую по большей части пла-

тило государство. Часть собственных вложений в оплату была не так велика, чтобы не суметь эти деньги заработать параллельно с учебой и избавиться от гнетущей помощи своих родственников по линии отца. Влившись в ритм студенческой жизни, настало прекрасное время оценить нагрузку в университете и выкраивать пару часов на подработку.

Татьяна принялась за две работы сразу, чтобы не только суметь вырваться из зависимости от «чужих» родственников, но и облегчить жизнь матери, дав ей возможность под старость лет, наконец-то, тратить деньги на себя.

Три раза в неделю Татьяна подрабатывала в пиццерии, оттачивая свое актерское мастерство и подымая уровень сервиса заведения в надежде на хорошие чаевые. Через дорогу от ее общежития был ночной клуб, в котором она проводила свои выходные и поздние вечера четверга и пятницы, разнося алкогольные напитки веселящейся публике. Что такое сон, Татьяна знала в лучшем случае два раза в неделю. Зато ее финансовое положение значительно улучшилось. До такой степени, что она уже могла оплатить не только сухой паек и проживание, но и начала удовлетворять свои потребности в хорошей косметике и средствах ухода за телом, а также подкупая витамины и активные добавки. В этом вдруг появилась острая необходимость, т.к. все ее бессонные ночи и бешенный темп жизни в вечных бегах и страхе опоздать на учебу, работу, другую работу, закрытие общаги в комендантский час, начали проявляться на ее ставшем серовато-жел-

товатым лице, в тусклых, активно выпадающих волосах, и в ставших уже ежедневными головных болях и носовых кровотечениях. После ночных смен в клубе об отдыхе и регенерации в комнате общежития с тремя девочками из села не могло быть и речи. Никакого понимания со стороны соседок Татьяна не добилаь, а только наоборот подогрела негативное отношение к своей персоне. Видя, как активно Татьяна борется за финансовую независимость и входит во вкус режима «самоубийства», Дарина начала таскать из дома, прямым из кладовки с закатками на зиму, всевозможные лечо, компоты, варенья, чтобы как-то помочь другу сократить расходы на пропитание, и тем самым отказаться хотя бы от губительной работы по ночам. Жизнь в общежитии не стала спасительным решением для Татьяны. Соседки поедали втихаря ее провиант, т.к. тоже были не в лучшем финансовом статусе, а Татьяна была настолько вымотана своей жизнью, что просто не находила сил для дискуссии с ними. Они пользовались ее личными вещами и средствами гигиены, и при этом изнуряли ее своим шумным присутствием в моменты, когда она пыталась поспать и зарывалась в одеяло, спасаясь от их гогота.

Посоветовавшись с Дариной, мы стали настойчиво приглашать Татьяну к себе в гости на чай, с перспективой на сон. Я тогда тоже проживала на съемной однокомнатной квартире с очень странной, на мой взгляд, соседкой Оксаной, кото-

рая неприкрыто шугалась Татьяны и выговаривала мне каждый раз после Татьяниного ухода, как я могу дружить с такой асоциальной маргинальной личностью. Оксана училась в параллельной группе на отделении китайского языка и тоже была выходцем из нашего общего славного города П. Ее одноклассники знали, что мы проживаем в одной квартире, и, наблюдая мое разношерстное окружение в университете, докучали Оксане осудительными взглядами. Мое искреннее расположение к Татьянинному готическому образу настойчиво мешало Оксаниному имиджу гламурной чики. Не пристало девочке с сумочкой «Хлои» и в сапогах от «Гуччи» жить с фейковой Барби, зависающей в обществе сатанинской обрванки. Когда Дарина и Татьяна были приглашены на мою сторону комнаты, будь то общий проект или презентация по учебе или просто суровая студенческая девчачья пирушка с дешевым пивом и сухариками, Оксана закрывалась на кухне, затыкала уши плеером и нарочито долго делала себе маникюр и педикюр, до тех пор, пока мои гости не покидали квартиру. В итоге она перестала общаться со мной на людях, делала вид, что не замечает моего присутствия на общих парах, дабы не навредить своей репутации и не пошатнуть свою воображаемую корону, показывающими на нее пальчиками толпы. Татьяна же, после пары таких «гостеприимных» вечеров в моих стенах, будучи проницательной личностью, каждый раз находила причину, почему она снова не может побывать у меня в гостях, и тем самым становилась все бо-

лее и более частым гостем у Даринки: именно Дарина, которая жила в большом частном доме с мамой и редко приезжающим из командировок отцом, была идеальным планом по спасению нашей готической подруги из плена самоуничтожения в погоне за финансовым благополучием. Дарина ввела маму в курс дела о нелегком положении Татьяны, расхвастывая трели о Татьянином блистательном уме и сообразительности, и давила на мамино благородство тем, что хорошим и перспективным людям надо помогать. В итоге неработающая Даринкина мама, одиноко скучающая в разлуке с зарабатывающим, но вечно отсутствующим мужем, была рада приютить у себя дома кого-то, о ком она могла бы заботиться. Ведь с родной дочерью у нее тоже не было особого взаимопонимания. К тому же, присутствие Татьяны в их доме означало, что и Дарина теперь будет чаще проводить время в родных стенах, а не сбегать на спасение приезжих подруг.

Предложение жить у Дарины бесплатно больно ударило по гордости Татьяны. Так же было задето ее гипертрофированное чувство самостоятельности, в совокупности со сложившейся привычкой решать все проблемы самой и не быть никому обязанной. Но постепенно, пытаясь остановить вытекание очередного литра крови из носовой полости, а затем мучаясь двухдневной мигренью, Татьяна поняла, что нынешнее состояние ее здоровья, возможно, не совсем соответствует норме, и предложила встречный компромисс. Она договорилась со своими родственниками по линии отца оста-

вить на хранение свои вещи, т.к. переезжает из общаги к подруге. Это был чисто психологический ход, чтобы не казаться иждивенкой в собственных глазах. Мол, пока все нажитое и накопленное имущество не находится в Даринкином доме, это похоже на затянувшуюся пижамную вечеринку. К тому же, прознав подробности о жизни дочери, у отца и даже у вечно раздраженной тетки, защемило сердце. Они, чувствуя себя в этой ситуации спасителями, предложили жить у них, чтобы Татьяна не скиталась по чужому дому. Мол, они же вроде бы как семья. Татьяна понимала, что план Б никогда не бывает лишним, и согласилась иногда приходить к ним.

Место в общаге было сдано. Ночной клуб был заброшен. Татьяна переехала к своей блондинистой подруге с маленькой котомкой на плече, полной мрачной косметики и запасной одеждой, параллельно установив дружественный контакт с родственниками отца.

Трансформация

После нескольких дней «пижамных вечеринок» у Дарины дома Татьяне все же захотелось прощупать почву в семье отца. В ней начало утверждаться чувство большой благодарности к этой семье. Она видела с их стороны потепление, и ощущение того, что она для них непредвиденная обуза, стало потихоньку рассасываться, как большой шрам. В ней просыпалось желание как-то быть полезной им. Она приходила часто в гости к отцу, который беспрестанно курил на кухне и рассказывал о своей нелегкой судьбе. Ей было интересно узнать историю свой фамилии и как-то позаботиться об этом несчастном одnorуком человеке в инвалидном кресле. Имея перед глазами сильную мать, борющуюся за благополучие своих детей, ей было странно и горько осознавать, что он наградил ее своим генетическим материалом. Пример сильной женщины в ее сознании и желание быть такой же выносливой и негнибаемой, вызывали в ней по отношению к отцу чувство жалости и отвращения к мужскому полу в целом. Иногда она оставалась у них ночевать, потому что посиделки на кухне затягивались до глубокого вечера. А иногда она приходила к ним с сумкой продуктов и готовила обед, мыла посуду, помогала наводить порядок, пока тетка была на работе. Этим ненарочным вниманием она растопила сердце и сварливой бабушки, которая постоянно чер-

тыхалась на Татьяну, видя ее готический образ, и все время повторявшая в упрек ей «как же ты похожа на свою мать», имея в виду внешнее сходство в чертах лица. Вскоре Татьяна познакомилась со своими двоюродными братом и сестрой, детьми той самой недружелюбной тетки, не менее вредными и язвительными на язык, считавшие себя лучше, умнее, привилегированнее этой девочки из Казахстана, дочки никчемного калеки, который живет за счет их матери. Она чувствовала себя не ко двору, но уже не сбегала с чувством стыда или уязвленной самооценки, а выбрала для себя стратегию защитной реакции, смеясь в душе над ограниченностью их умов. У нее была цель – она знала, что рано или поздно в ее жизни произойдет переворот и она уедет в другую страну и у нее будет все, что она только пожелает. И она простит этих людей за их колкие комментарии и заносчивые взгляды, за их пренебрежительное отношение к ней и за ненависть к ее сильной и жертвенной матери.

Дарина тем временем пополняла гардероб Татьяны своими давно не ношенными, но еще хорошими вещами. Постепенно начала происходить трансформация Татьяны из готессы в обычную девушку, познавшую краски мира. С моей легкой руки готически- смольный цвет волос Татьяны превратился в рыжегато-каштановый, который прекраснейшим образом сочетался с ее выразительными зелеными кошачьими глазами. Имея один размер обуви с Татьяной, я разделила свой кукольный обувной арсенал с готической принцессой,

заменив ее тяжелые гриндерсы и бесформенные агрессивные сапоги на шнуровках на туфли, сапожки и босоножки на высокой шпильке, с серебряными бляшками и розовыми ремешками. На свой день рождения Татьяна получила от меня, конечно же, розовое платье с глубоким вырезом, подчеркивающим ее аккуратную грудь, о которой она всегда самоиронично выражалась «Сиськии! Где вы? Нет сисек!» Нежные розовые тени и прозрачный, с легким блеском бальзам для губ показали, какой нежной и романтичной может быть эта готесса, некогда измазанная гуталином с ног до головы. Находясь в обществе двух блондинок, это преобразование для Татьяны было неизбежным. Татьяна принимала с интересом все, что вселенная ей посылала, пробовала, экспериментировала, отсортировывала и применяла. Бесконечная гонка под девизом «Я сама» приняла форму «Дают – бери. Бьют – беги». Не было смысла строить из себя гордую и независимую, когда люди добродушно протягивают тебе руку помощи. Ей было неприятно лишь одно: чувство жалости по отношению к себе. И она пока что никак не могла отделить это ощущение от желания согласиться принять помощь. Ей казалось, что, принимая помощь от людей, она становится им обязанной, должной, что она в свою очередь вынуждена дать что-то в ответ. Но у нее ничего не было, чем она могла бы поделиться, кроме ее прекрасного чувства юмора, звонкого смеха и преданности. И этот неравный, на ее взгляд, обмен вызывал в ней продолжительное чувство борьбы и недовольство собой.

А как результат – отсутствовала радость от получения помощи со стороны. Синдром самозванца в лучших традициях.

Закончив первый курс университета с отличием, Татьяна, скопившая некоторые финансы за счет природной нерасточительности и ввиду позитивно развернувшихся событий, купив кучу подарков для мамы, сестры и тети в родном городе П, вышла из третьего класса электрички на перрон в розовом платье, серебряных босоножках, с маленьким красным чемоданчиком и с голливудской каштановой волной на одну сторону, нежно благоухающая ванильным спреем. Мама, не видевшая дочь с зимних новогодних каникул, была просто ошеломлена такой неожиданной переменой и обняла ее, рыдая от счастья. Впервые она увидела свое дитя в образе не готическом, а в образе красивой юной прелестницы из тургеневских романов, такой, какой мечтает видеть свою двадцатилетнюю дочь любая мать: утонченной, женственной, покоряющей с первого взгляда.

Уже через какое-то время, когда мы познакомились с ее мамой, она, с так же трогательно проступающими слезами, благодарила нас с Дариной за то, что мы помогли ее дочери раскрыть ее внешнюю красоту и привлекательность. Хотя мы никогда с этой стороны на Татьянину трансформацию не смотрели. Для нас это было частью нашей девичьей дружбы – быть рядом с другом и убедить его в том, что он может быть разным, одинаково принятым и любимым как в обществе двух крашенных блондинок, так и в своем сатанинском

кругу. Быть свободной от условностей, полюбить себя со всеми достоинствами и недостатками, быть открытой к экспериментам не только с психотропными веществами, но и с оттенками пастельных цветов, не изменяя своей готической натуре. Для нас не существовала Татьяна-Гот, вплетенная в свой черный мир и антураж. Для нас существовала сильная, самоироничная, целеустремленная и творческая личность, находящаяся в поиске себя. И мы были готовы принять ее любой и поддержать ее выбор, потому что мы ее действительно очень любили ее и восхищались ею.

Краеугольный камень

Осознание консервативности постсоветского культурного пространства, плюс изучение языков, способствовавшее расширению кругозора, давали надежду на то, что где-то может быть по-другому: не так тесно, не так зашоренно, где можно быть свободным от этого вечного «а что скажут люди» и быть самим собой. В этом я видела цель и смысл своей жизни – вырваться из общества, где ты должен быть всем для всех, кроме самого себя для себя. Сделав упор на английский, моя первая попытка найти «свои» культурно-социальные условия остановилась на уже упомянутой программе, как средстве знакомства с США и дальнейшим самоопределением. Бежать туда сломя голову и класть все яйца в одну корзину я не планировала. Ориентироваться по ситуации и не гнать коней, не зная броду, было для меня более безопасной стратегией.

После первого курса обучения я смогла убедить своих родителей, что их цель жизни – сделать меня счастливой, способствуя исполнению моей мечты. Моя семья тоже была далеко не из зажиточного сословия и поддерживала мое студенчество в другом городе за счет дачного урожая и скромных финансов, которых со скрипом хватало на все самое необходимое. Видя мои старания в учебе, хорошие результаты и упорство, умение экономить и желание пренебрежен-

нейше убедить мерзких продажных людишек из деканата в том, что моих мозгов достаточно, чтобы государство выделило на них деньги, родители авансом согласились дать мне те заветные три тысячи американских ассигнаций на программу «Work and Travel», с условием, что я выбью бюджетное место. Закончив первый курс на отлично, я получила скидку на обучение в 30 %. Это уже было хорошим началом. Но была в университете еще одна опция: после сдачи некоторых дополнительных экзаменов можно было поучаствовать в конкурсе на бюджетное место. Эта была наша общая задача с Татьяной: во что бы то ни стало перейти на бесплатное обучение. Тогда сумма, которую наши родители потратили бы на учебу, пошла бы на финансирование поездки в США. Вполне себе адекватная и честная сделка. После нашего позорного триумфа на олимпиаде мы поняли, что просто так не сдадимся. Мы обе получили самые высокие баллы на дополнительных экзаменах, и продажному ректорату не оставалось ничего другого, как предоставить нам бесплатное обучение в вузе.

Мои родители имели запасы строго на мое обучение и после новости о переходе сдержали обещание, выдав мне заветную сумму для оформления документов в США. Татьяна семья со стороны мамы собирала и копила деньги в течение семестра, чтобы поэтапно оплачивать ее учебу. Семья со стороны отца финансово Татьяну перестала поддерживать с тех пор, как она «переселилась» к ним. Поэтому в ее слу-

чае единократная выплата для участия в программе не представлялась возможной в ближайшие полтора года. Мне было немного не по себе, зная, что Татьяна мечтала, такая заветная и такая для нее далекая, исполняется у меня – человека, который хоть и хотел попасть за бугор, но без фанатизма, и тем более пока что не торопился мигрировать, обрубая концы. В Татьяниним же воображении четырехмесячная рабочая виза в США и поездка на летние каникулы была лотерейным билетом в погоне за лучшей жизнью. Она жила американской мечтой и готова была работать на самых грязных работах без перерывов и выходных, лишь бы у нее была возможность при этом подняться по карьерной лестнице, благодаря своему упорству и выносливости, или же, как план Б, она надеялась и грезила о том, что ее актерский талант и великолепный голос будут замечены каким-нибудь влиятельным человеком из соответствующих кругов, и ей откроется путь в совсем другой мир, где ее творческая натура развернется во всей красе. Но это развитие сюжета было скорее из области сказок, в которую Татьяна, несмотря ни на что, верила с завидным романтизмом.

Какое-то дурацкое чувство вины скребло мою душу, и мне становилось неуютно в обществе Татьяны. Наверное, какой-то более благородный и независимый от условностей человек, отдал бы этот шанс тому, кто в нем нуждался более отчаянно. Но в этом и была загвоздка: в своих помыслах я была тем самым благородным человеком. А вот осознание того,

что мои родители будут сжирать меня упреками и смаковать послевкусие от пережеванного ущемленного чувства благо-родства, вынуждало меня лететь в США с чувством горькой радости и с сомнительной эйфорией от исполнения мечты. Чужой мечты.

Татьяна интуитивно чувствовала мою неловкость за всю ситуацию, но, будучи оптимистом, что меня в ней всегда восхищало, она своим звонким голоском щебетала о том, как они с Даринкой обязательно приедут в США на следующий год, и что я обязательно должна там остаться и дожидаться их, т.к. если завоевывать мир, то уж точно втроем. История всегда говорит о троечке. Она взяла с меня обещание регулярно писать и звонить, сообщая обстановку, быть сильной и не страшиться препятствий, заработать миллион, увидеть много-много всего, и просто получить удовольствие от каждого проведенного там момента. Я видела, как она мечтательно закатывала глаза, говоря все это, воображая себя, разгуливающей по Нью Йорку, и как в итоге проецировала все это на меня, искренне без зависти и сожаления, радуясь за мое предстоящее путешествие, как может радоваться только чистый сердцем и настоящий друг.

Единственное, чем я могла себя утешить, это дать слово самой себе, наладить как можно больше связей и нужных контактов, насобирать базу данных нужных адресов, телефонов, паролей и явок, чтобы, когда наступит день Икс и Татьяна полетит на Землю обетованную, ей уже была подстеле-

на соломка во всех возможных сферах, и ее путь к свободе и мечте был облегчен хотя бы на первых этапах. Дав себе это обещание, я, как разведчик и ледокол, была торжественно снаряжена в далекое путешествие в страну Татьянинных грез и моих проб и ошибок.

Задача по освоению Нью Йорка и столично-провинциального Вашингтона состоялась по плану. Я вернулась в город О строго по расписанию с багажом эмоций, впечатлений, контактов и знакомств. В 2007 году на США обрушился кризис, который из четырёх месяцев моего пребывания дал мне поработать только два с половиной. Остальное время было направлено на поиск работы и дополнительных источников дохода. Заработать миллион не получилось. Не получилось даже отработать деньги на затраты по программе, что в принципе получалось всегда и у всех. Эта поездка была настолько же эмоциональным скачком и личностным продвижением вверх, насколько финансовым движением вниз. По возвращению в город О и столкновением со старым образом жизни у меня случился культурный шок. Говорят, что он происходит, по обыкновению, когда люди попадают в новую среду. Но в новой среде я, кстати, чувствовала себя, намного приятнее и естественнее, чем теперь в ставшем за такое короткое время чужим городе О. Лица прохожих, интонации разговаривающих людей, унижительное отношение преподавателей к студентам, как к отупевшему стаду безликих жи-

вотных, грубость и сексизм со стороны парней, глупость и инфантильность девушек, грязь на улице, посвистывания и пошлые комментарии выпивших индивидуумов, неприветливость персонала в супермаркете, тяжелые взгляды женщин, измученных жизнью, укоризненные злорадные взгляды – все стало меня раздражать в моем окружении. Казалось, что все в этом мире запрограммированы на то, чтобы своим поведением показать тебе, какое ты ничтожество, какое ты бессовестное существо, если достаиваешь кого-то вежливой улыбкой или добрым взглядом. Лишь два светящихся огонька в этой непроглядной депрессивной темноте давали мне надежду на жизнь – Татьяна и Дарина. Из блондинки на шпильках я превратилась в девчонку с рваными джинсами и наскоро сваленым пучком волос на голове. Даже мои готовые ко всему подруги удивились, что я больше не накручиваю свои золотистые локоны, или не вытягиваю их бережно и тщательно в идеально гладкое полотно, а просто отращаю неряшливые корни родного цвета и прячу их в бесформенной дулке с петухами. Я была очень задумчива первые несколько недель после возвращения домой. Было много работы по учебе, и мы никак не могли встретиться с Татьяной и Дариной чтобы просто побеседовать по душам. К тому же маячившая в моем «новом» мрачном мире Оксана с ее мировоззрением величиной с сухую горошину, стала нестерпимо выводить меня из себя, и я съехала в отдельную квартиру, чтобы не быть заложницей ее непоколебимой репутации, и

стала жить одна.

Наконец, разобравшись с переездом и влившись в ход учебы после опоздания на месяц, я пригласила своих девчонок на новоселье. Принеся в подарок набор розовых чашечек и баклажку самого дешевого пива, мои два боевых товарища принялись расспрашивать меня не об американских приключениях, как им того хотелось все эти дни, а о моих волосах. Более деликатного метода осведомиться о состоянии моего внутреннего мира придумать было невозможно. Я кинулась на них обеих в слезах и истеричных конвульсиях, повторяя без перерыва одну только фразу: “надо валить, девочки. Надо валить, девочки. Надо валить...” Они не задавали больше вопросов, т.к. поняли, что какое-то страшное озарение снизошло на меня после этой поездки в США. Настолько горькое и невыносимое, что я не могла его выразить никак иначе, кроме как выплеском этой накатившей боли через душераздирающие рыдания. Разговора не получилось. Я тряслась в истеричном откровении долго и мучительно, пока не выбилась из сил. Они уложили меня на скрипучий диван, укрыли теплым пледом и гладили одна по голове, другая по ладони, свободно и безжизненно свисающей с дивана, пока я не уснула. А когда я проснулась рано утром, то нашла их лежащими на полу возле моего дивана, жмущимися друг к другу, как котятки, укрываясь одним коротеньким одеялом на двоих. На кухне стояла полная окурков пепельница. Баклажка пива была пуста...

Следующий

Даринка никогда особо не грезила мечтой попасть за кордон. Получение высшего образования на факультете иностранных языков было для неё третьим заходом на пути освоения профессии. Сначала она, после 9-ти классов школьной программы, посещала колледж по специальности финансы и бухгалтер. Скучные и безжизненные математические подсчеты не приносили ей желаемого удовольствия от перспективы заниматься этим всю жизнь в качестве профессии. Тогда она перевелась на отделение по информатике, где на первый взгляд безжизненные математические подсчеты и алгоритмы в итоге образовывались в функционирующие программы. Внезапно возникшее увлечение английским языком свернуло ее с программирования на гуманитарный путь развития. Ей показалось, что педагогический вуз – это то самое место, где она сможет найти себя: философия, антропология, концепции естествознания, иностранные языки и прочие лингвистические предметы, способствующие духовному и интеллектуальному росту личности стали ее привлекать больше, чем точные науки. Ее родителям было все равно, каким образом их чадо в итоге самоутвердится. Финансовый вопрос в их семье не стоял ребром, т.к. Даринкин отец работал на севере в какой-то нефтеперерабатывающей-добывающей компании и обеспечивал семью

всеми нужными и сверх того благами. Поэтому Даринка не цеплялась за возможности, а выбирала пути по зову сердца, зная, что любой путь будет профинансирован любящим папой. После знакомства с двумя повернутыми на англоязычном мире залетными пташками в лице меня и Татьяны, Даринка так же загорелась желанием свалить за бугор. Будучи с нами на одной волне, чувствуя себя чужой среди своих, ведомая жаждой жизни и приключений, она стала верить, что там она будет счастлива. Финансовый вопрос ее не смущал. Убедить папу дать ей денег на программу она могла без труда. Но она не была уверена в своем английском. Учить его она начала самостоятельно еще до поступления в университет. Сам же университет давал нагрузку, мягко говоря, слабую. Мы с Татьяной, учившиеся по оксфордским учебникам в своем «отсталом» Казахстане, откровенно скучали на парах по грамматике и практике языка. Было жутко слышать речевые ошибки преподавателей и ощущать со временем деградацию собственного уровня. Даринка же в таком ненепряжном темпе делала видимые успехи и была максимально мотивирована научиться большему, видя, что мы могли дать ей это большее. Она была любопытна, задавала много вопросов по непонятному материалу, читала и выполняла больше заданного на дом, параллельно купив дополнительной внеклассной литературы, обсуждая ее с нами и ежедневно пополняя словарный запас. Даже когда мы гуляли по набережной в свободное время, она постоянно проворачивала в

голове какие-то диалоги и учебный материал и могла, казалось бы, невпопад спросить «а что значит...?» или «а как переводится...?», «а как сказать...?», «а вот если я хочу сказать вот так, это правильно?». Мы понимали, что она в такие моменты присутствовала одновременно в двух реальностях и добросовестно отвечали на все ее вопросы и просьбы. Иногда она даже доставала свой маленький блокнотик, где она делала заметки, боясь упустить важную информацию, и документировала только что усвоенный урок или помечала вопросы на следующий раз.

Спустя пару дней после нашей встречи я начала приходить в себя и без лишних выпытываний приоткрыла завесу своего таинственного путешествия в США. Татьяна и Даринка слушали с открытым ртом про все мои злоключения, трудности и радости. Каждый вычленил из потока информации ту, что была важна лично каждой из них. Даринка в свою очередь сконцентрировалась на историях про встретившихся мне студентов, которые не могли выговорить ни слова по-английски, но тем не менее умудрялись устраиваться на работу и получать удовольствие от жизни с карманным переводчиком в руках. Я лично проживала с такими кадрами в одном доме и могла проследить развитие их языка в условиях естественной среды. Даринка с жаром допытывалась, действительно ли нужно знать все 12 временных форм и их формы страдательного залога для нормального ежедневного общения с американцами? Как сурово судят американцы о

тебе, если ты говоришь на корявом английском? Дружелюбны ли они? Понятно ли они говорят? Есть ли какие-то диалектные формы, которые просто невозможно воспринять на слух? Смеются ли они над нашим акцентом и понимают ли все, что мы говорим? Получив достоверную информацию из первоисточника, Дарина осталась довольна, воодушевлена и твердо заявила: «я поеду туда следующим летом! Точно вам говорю. Если эти чуваки туда попали, не умея читать, и не пропали, то я уж точно не пропаду». Мы знали, что она говорила вполне серьезно. И мы были уверены, что она поедет туда летом.

Татьяна, все еще проживающая у Даринки, подтягивала ее знания, занимаясь и разговаривая с ней на английском в любую свободную минуту. После того, как Татьяну перевели на бесплатное обучение, большой груз спал с ее плеч. Но, к сожалению, общее финансовое положение ее и ее семьи пока что не позволяло ей двигаться дальше к своей цели. Я так же понимала, что, не отработав последнюю поездку, я вряд ли смогу рассчитывать на повторное финансирование со стороны родителей. К тому же, попав снова в США, я уже не собиралась возвращаться. Так обмануть их ожидания и свалить в закат за их счет я не могла. Нужно было искать работу и копить деньги самостоятельно, чтобы не выслушивать упреки в том, какая я неблагодарная дочь, которая бросила все и всех. Я не была уверена, что справлюсь за год, но чем раньше начнется пополнение казны, тем ско-

рее получится самостоятельно вырваться из страны. Татьяна, приостановившая на лето свои подработки так же, задалась вопросом поиска источника дохода. У нас была четкая программа по зарабатыванию, экономии и добыче денег любыми честными и нечестными способами. Мы брались за любую работу, которая подворачивалась: расклеивание объявлений, распространение рекламных листовок, промо акции и реклама в супермаркетах любой продукции от пива до карамельных вафель, индивидуальные уроки английского языка, групповое репетиторство, гоу-гоу-подтанцовка в клубах, официантская деятельность, бартендеры на частных вечеринках, реклама сигарет, даже как-то единично попали на легкие деньги, выступая в роли веб-моделей. Но наши высокие моральные принципы вынудили нас отказаться от этого занятия, попробовав единожды. Зато, где наши моральные принципы не проявили себя, так это в «пересдаче» жилья. Т.к. я жила одна, я решила сдать недавно притащенный с какой-то свалки раскладной мини-диван приезжей студентке, не ставя в известность хозяина квартиры. Таким образом я откладывала деньги за счет ее «нелегального» проживания, что было отличным вкладом в осуществление мечты.

На еде мы экономили за счет Даринки. Она, видя, как мы боремся за каждую копейку, продолжала таскать теперь уже мне домой мамыны заготовки-закрутки, иногда покупала продукты, идя ко мне в гости. И не какие-нибудь тортики, выпечку или алкоголь, что люди обычно берут, приходя к ко-

му-то на чай, а несла макароны, крупы, хлеб, батон колбасы и, конечно же, пару банок маминого лечо. Пока мы работали везде, где только можно было, параллельно получая стипендию, как бюджетные студенты, и учились на отлично, чтобы эту стипендию не профукать, Даринка хлопотала о предстоящей поездке. Она быстро собрала документы, объяснила родителям, что загорелась новой мечтой – поехать поработать в США, а возможно, в перспективе и поучиться в этой стране, нашла одобрение у гордого за свою дочь отца и получила полную финансовую поддержку, вместе с бесконечными причитаниями матери, которая теперь четко осознавала неизбежность бесконечности своего одиночества. Столкнувшись на собеседовании в посольстве впервые с носителем языка, Даринка убедилась, что знаний английского ей более чем достаточно для повседневной жизни. Она стала терпеливо выжидать конца семестра, чтобы отправиться навстречу с мечтой Татьяны. Моих рассказов, возросшей самооценки, собственного воображения и оптимизма хватило Даринке, чтобы определить Нью-Йорк как место своего будущего счастливого проживания. Она не собиралась возвращаться в родной город О ни при каких обстоятельствах, даже еще не прознав вкус американской мечты.

В погоне за деньгами Татьянин ритм жизни перестал совпадать с Даринкиным расписанием дня. Татьяна все чаще оставалась ночевать у отца, потому что ей было неудобно приходить сильно поздно в Даринкин дом, где она жила и пи-

талась за счет чужой семьи. Дарина же, заскучавшая от своего упорядоченного и безопасного плана на лето и без милой подруги дома, начала возвращаться к старой компании знакомых и восстанавливать когда-то угасшие романтические отношения с одним из ребят, чтобы приятно для души и тела скоротать время до заветного путешествия. Иногда Татьяна все же заходила к Даринке на ночлег. Но та могла в любой момент сорваться по зову романтики и оставить ее одну. В такие моменты Даринкина мама, которая безумно любила свою дочь, но была, как это часто бывает в извечном вопросе отцов и детей, «с другой грядки» по своему мировоззрению и никак не могла установить с дочерью теплые и доверительные отношения, оставалась с Татьяной наедине и изливала ей душу за чашкой вечернего чая.

После нескольких таких вечеров к Татьяне начало закрадываться ощущение, что всю свою материнскую любовь к Дарине ее мама начала проецировать на Татьяну, потому что нашла в ее лице, наконец-то, ту самую чуткую, слушающую и понимающую душу, которую всегда хотела видеть у своей дочери, путая ее с вежливостью и уважительным отношением Татьяны к приютившей ее женщине. Чрезмерная опека, советы, о которых никто не просил, слишком личные рассказы, о которых не очень-то хочется знать постороннему человеку – все это стало Татьяну немного настораживать, и она стала избегать общества Даринкиной мамы, когда оставалась одна, ссылаясь на кучу домашних заданий.

В Татьяне снова начали бороться двойкие чувства: с одной стороны она была бескрайне благодарна Даринке и ее семье за поддержку и протянутую руку помощи в такие тяжёлые для нее времена, с другой стороны, она не хотела становиться заложницей своей благодарности и подстраиваться под жизнь и эмоциональное состояние чужой матери. Но желание скопить деньги, не растрачиваясь на такое дорогое жильё в городе О, было в большем приоритете, чем самостоятельное проживание, как возможность побега от этой моральной дилеммы. Неизбежность отодвигать все дальше к линии горизонта свою голубую мечту из-за переезда панически напрягала Татьяну, и она, с эмоциональным грузом на душе, продолжала кочевать от отца к Дарине, таская с собой даже в университет свою неподъемную сумку, в которой было все необходимое от учебников и тетрадей, до сменной одежды и предметов личной гигиены с запасом на два дня.

Моя новая соседка и источник накопления финансов оказалась очень открытой и дружелюбной девочкой, которая прониклась теплом к Татьяне и ее истории и никогда не была против, если моя, уже полуготическая подруга, оставалась ночевать со мной на раскладном диване. Она с радостью готова была поделиться последним куском хлеба с Татьяной, если бы на то была необходимость. И Татьяна в свою очередь, так же стала чувствовать себя увереннее, приходя к нам в гости. Теперь у Татьяны появилось еще одно место, куда

она могла сбежать от своих эмоциональных конфликтов. По крайней мере мы старались всеми способами до нее донести, что она ни в коем случае нас не смущает и не стесняет на наших 25 квадратных метрах жилья, и может в любое время дня и ночи к нам пожаловать и забыться, принимая горячую ванну, отоспаться после работы и подготовиться к занятиям в университете, которые мы посещали в одно и то же время. В таком ритме прошло несколько месяцев, холодные месяцы миновали, Татьянаина кочевая котомка стала легче, т.к. теплые свитера и колготки на смену сменились легкими платьицами. Я ненавязчиво присоседила Татьяну к своему гардеробу, поэтому, оставаясь у меня ночевать, она всегда могла выбрать любую обувь и одежду из моего шкафа.

В один теплый июньский день 2008 года мы проводили Даринку в США, точно зная, что ровно через год мы будем в том же поезде до Москвы, откуда стартанет трансатлантический рейс до Нью-Йорка уже для нас. Снарядив Дарину нужным контактами, предупредив заранее своих знакомых в Нью-Йорке, что близкий мне человек прилетает в поисках новой жизни за океаном, мы были спокойны за подругу. Ее ждали веселые, заботливые и ответственные ребята, с которыми я год назад прошла огонь, воду и медные трубы, но у которых хватило наглости и смелости остаться там. Они знали, как никто другой, как важно иметь поддержку в первые несколько недель пребывания на чужбине, чтобы не сойти с ума от переизбытка информации и навалившихся

проблем. Поэтому они были рады помочь, в знак нашей теплой дружбы на расстоянии, встретив Даринку в аэропорту и обеспечив проживанием, пока она не акклиматизируется ввиду двенадцатичасовой разницы во времени и не войдет в курс дел американской реальности. Так нас стало на одного бойца меньше в городе О, но на одного бойца больше в городе НЙ.

Откровение

Летом 2008 года Татьяна, накопившая уже больше половины нужных средств для своей мечты, объявила отцу о намеченном плане покинуть через год город О. Она радостно рассказала о том, что Даринка, которую отец по рассказам дочери уже давно знал, поехала покорять США, и будет трепетно ждать приезда Татьяны следующим летом. Подавать заявку на участие в программе нужно было до зимы, чтобы успеть со всей бумажной волокитой и оформлением виз. Татьяна обратилась к отцу с просьбой занять ей недостающую сумму. Отец, который собственными средствами не располагал, а жил за счет своей сестры и пособия по инвалидности, обещал посоветоваться на этот счет с сестрой и как-нибудь поддержать Татьяну. Татьяна прекрасно знала, кто в семье министр финансов, но напрямую к тетке, отношения с которой изначально складывались по принципу американских горок, с таким щепетильным вопросом решила не обращаться. Рассказав отцу о недостающей сумме, она надеялась на его поддержку словом, но особо радужно на удачный исход переговоров не рассчитывала. «Попытка – не пытка», – подумала она и простилась с отцом, направляясь к Даринкиной матери.

После отъезда Даринки Татьяна стала чувствовать себя у нее дома еще более неуютно. Теперь, когда ее пребывание

в чужом доме не могло быть оправдано ни поддержкой по учебе, ни пижамными вечеринками, ее стала грызть совесть. Проблема была та же: она не могла принять помощь без бартера. Не могла расслабиться за чужой счет, не могла почувствовать себя уютно «на халяву». Перспектива кантоваться под мостом казалась ей намного более комфортной в психологическом плане, чем собственная комната в большом теплом Даринкином доме с горячим трехразовым питанием и выстиранной одеждой.

Этот внутренний конфликт истощал ее эмоционально. Она становилась раздражительной, понимая безысходность своего положения. С одной стороны, у нее было три «дома», где она могла ночевать, но не было ни одного места, где она могла бы чувствовать себя достойной пребывания в этом месте. У отца вечные косые взгляды и стиснутые зубы заносчивых родственников, у Даринки – ощущение беспомощности перед сердобольной матерью и ее одиночеством, незаслуженная халява и желание «рассчитаться». А «оплата» в Татьянинном случае означала психотерапевтические сеансы с покинутой мужем и дочерью женщиной. Приходить ночевать в мое студенческое жилище было так же преградой для Татьяниного внутреннего душевного баланса: она то и дело пыталась втиснуть нам пару сотен рублей, хотя бы вкладываясь таким образом в оплату коммунальных услуг. Деньги мы, конечно же, не брали, но находили их незаметно оставленными в прихожей под каким-нибудь косметическим

бутыльком.

Дарина писала нам о своих продвижениях на новой родине. Она была воодушевлена новой языковой и культурной средой, зарабатывала первые деньги и осведомляла нас о своем жилище и перспективах. Мы в свою очередь держали отчет о финансовой ситуации и уверяли Дарину, что все идет по плану.

Татьянино внутреннее беспокойство усиливал и тот факт, что она, с тех пор, как попала в город О и ее жизнь закрутилась бешеным вальсом, совсем забыла, что такое быть привлекательной для противоположного пола. Сначала не было времени из-за учебы и многочисленных работ, потом, когда обороты в борьбе за существование спали, она вдруг поняла, что ей не хватает романтики в жизни и простого мужского внимания, которым она на своей исконной родине никогда не была обделена. Раньше молодые люди устраивали чуть ли не рыцарские турниры, чтобы Татьяна удостоила сильнейшего своим строгим взглядом. Ее выходные начинались с того, что она рассылала отказы своим поклонникам и ломала голову, с кем же пойти на свидание из тех, кто все-таки сумел привлечь ее интерес и соответствовал ее вкусу и ожиданиям. В городе О для Татьяны открылась другая реальность: здесь за почти два года ее пребывания у нее не было ни свиданий, ни интересующихся ее личностью и внешностью, ни простых флиртов в свободное от учебы и работы время. Она вдруг начала сомневаться в собственной привлекательности, прокру-

чивала в голове возможные причины, почему на нее никто не обращает внимания, даже когда она рассылала флюиды своего очарования на парней, оказавшись на студенческих мероприятиях. Она будто перестала существовать для мужчин. В добавок к ее надломленному эмоциональному равновесию случилось откровение, что она такая, какая есть, не способна никого очаровать.

К зиме Даринка умудрилась заработать ударными темпами, вкалывая на нескольких работах без сна и усталости, столько денег, что выслала недостающую сумму для осуществления Татьяниной мечты. Теперь будущее нашего готического дружочка было застраховано. К тому же один из Даринкиных работодателей согласился выслать приглашение на работу для Татьяны, что так же сэкономило некоторую сумму, включенную в общую стоимость поездки. Счастье было уже не за горами. Оставалось только оформить некоторые документы, получить визу и ждать лета. Мои финансы так же подкапчивались ускоренным темпом. Давая частное репетиторство по английскому одному молодому человеку, у меня завязались с ним романтические отношения. Молодой человек оказался шеф-поваром в самом дорогом и престижном ресторане города, откуда на наш студенческий стол с легкой руки моего нового друга, прямым ходом поставлялись деликатесы и напитки. Статья расходов «пропитание» была напрочь вычеркнута из списка. Молодой человек бало-

вал нас всех троих: меня, Татьяну и мою соседку, готовя нам еду и угощая купленным вином. Теперь, зная, что поездка в США неизбежна, мы наконец-то начали ощущать вкус жизни в большом городе. Город О являлся одним из десяти городов-миллионников России и предлагал развлечения на любой вкус и цвет. Все эти развлечения проходили уже больше двух лет мимо нас. Шоппинг приравнивался к походу в музей: смотреть можно, приобрести – не по карману. Дискотеки, бары и рестораны пестрели только в окнах общественного транспорта на пути в университет и обратно. После того, как вселенная послала нам волшебным образом шеф-повара с его толстым кошельком и большим сердцем, мы словно с цепи сорвались и начали кутить денно и ночью, катаясь в такси от одного увеселительного заведения в другое. Наш кавалер рассчитывался за все удовольствия, не заглядывая в принесенный счет, и иногда даже перенимал оплату коммунальных услуг, интернета и регулярно закидывал мне на телефон щедрые суммы. В целях безопасности я не распространялась на тему своего плана побега. Как уже было упомянуто, моральные принципы обходили нас стороной, когда в игру вступали перспективы на будущее.

Понимая, что мы вряд ли продолжим учебу в университете, намереваясь мигрировать в США, мы начали пропускать занятия, делая выбор в пользу утреннего сна и ночных кутежей. Стипендии за прогулы не лишали, а лишали лишь по результатам экзаменов, до которых мы бы все рав-

но в городе О не остались. Поэтому наши лица начинали постепенно стираться в памяти одноклассников и преподавателей. Мы добросовестно ходили лишь на пары по практике английской речи и создавали таким образом «концерт по заявкам», посещая университет. Татьяна все чаще оставалась ночевать у меня, т.к. я временно переселилась к нашему «спонсору». Мои романтические отношения развивались по лучшему сценарию любовно-приторных фильмецков, а наше «трио лимитчиц» собиралось лишь под вечер, когда в программе стояла очередная богемная вечеринка.

В это время, когда работа и учеба перестали быть для Татьяны в приоритете, она активно начала заниматься самокопанием и, как результат, самоедством. До определенного момента она была уверена в своих талантах, очаровании и умении добиться успеха. Теперь же, за время всех наших походов по увеселительным заведениям, она непрерывно чувствовала себя гадким утенком: за тот промежуток времени, что мы находились в эпицентре молодежных тусовок, к ней не подходил ни один молодой человек с целью познакомиться или просто пригласить на танец, как бы соблазнительно она не виляла бедрами под звуки ар-эн-би. Казалось, что даже самые заморышные и вульгарные барышни пользовались большим успехом, чем элегантная Татьяна, излучающая харизму. Она прекрасно понимала, что как только она ступит на американскую землю, все проблемы, которые на нее свалились в городе О, ровно таким же грузом, если не больше,

навалятся на нее и там. Теперь, когда случилась эта пауза с дольче витой, и будущее было предопределено, она непременно хотела получать от жизни удовольствие и наконец-то расслабиться, хотя бы эти несколько месяцев, зная, что потом фаза расслабления наступит, в лучшем случае, через год. Каждый раз поход в клуб сулил ей фиаско и очередной удар по самооценке. Даже халявные коктейли и море суши, которые она так любила, не выравняли испорченное настроение от безуспешной борьбы за мужское внимание. В толпе разгоряченных танцующих людей она ощущала себя жутко одинокой, словно привидение: все видящая, но никем не видимая.

Неприятное чувство ненужности начало где-то в глубине души грызть Татьяну. Вспоминая все месяцы своего проживания в городе О, она пришла к выводу, что все это время она была лишь каким-то никому не нужным субъектом, живущим в центрифуге, центробежная сила которой давно прибила ее к стене и удерживала от социальной жизни и признания со стороны общества. Сначала она пыталась оправдать свой вдруг раскрывшийся статус изгоя занятостью на нескольких работах и продвижением к своей цели. Это объяснение дало ей успокоение на несколько дней. Но потом вновь ее охватывала тоска по прошлой жизни в кругу любящей мамы, сестры, друзей-готов, многочисленных поклонников, которые ежедневно давали ей уверенность в своем превосходстве и неотразимости, с которыми она могла гово-

речь на все возможные темы, самыми вычурными речевыми оборотами и не казаться «странной». Эта жизнь безжалостно контрастировала с ее жизнью в новом городе, где она всюду была не ко двору, где люди шарахались от нее сначала из-за обилия черного цвета, а потом от неприкрытого интеллекта, и где она даже у самого неприметного парнишки не вызвала никакого интереса и влечения. А что, если так будет всегда? А что, если она была счастлива только на своей родине в кругу «своей» компании, где ее принимали и любили такой, какая она есть. А что, если она, какая есть, «не формат» и чтобы добиться успеха ей придется притворяться кем-то другим, кем она не является? Не удовлетворенная потребность «быть нужной кому-то» накрыла Татьяну депрессивным настроением, и ее чувство самоценности и важности разбилось на мелкие осколки об открывшуюся реальность после высадки из центрифуги.

Нокаут

В один из зимних январских вечеров Татьяна направилась к отцу, чтобы сказать ему, что тема финансов закрыта и она не нуждается больше в его поддержке. Мол, поездка заказана, документы оформлены, и она не собирается возвращаться из этой поездки никогда. Тетка в этот день, видимо, была в не самом лучшем расположении духа и, подслушивая разговор Татьяны и отца через закрытую дверь на кухне, сконцентрировалась только на тех словах, которые ей были нужны для зачатия ссоры. Она ворвалась в кухню посреди беседы и начала отчитывать Татьяну за ее бессовестное и потребительское отношение к их семье. Мол, 20 лет ни слуху ни духу не было, а тут, видите ли, нарисовалась любящая дочь, которой отстегивай баблишко на ее сумасбродные идеи. «Высокала из них, что надо, использовала, а теперь сматывает удочки!» Опускаясь все ниже и ниже в глазах изумленной Татьяны, взбешенная тетка не была разборчива в словах: «вертихвостка», «нахлебница», «бесстыжая наглая приживала», «куда ты собралась, в какую Америку, тратить чужие деньги?», «думаешь они нам с неба падают?», «безмозглая иждивенка», «неблагодарная лимита». Было очевидно, что тетка в глубине души завидовала и дивилась Татьяниной целеустремленности. Она работала много и усердно, чтобы обеспечить будущее своим детям, которые с детства, благодаря

матери, ни в чем не нуждались. Теперь же, пропихнув своих чад на учебные места в университетах, она была разочарована в их отсутствующей мотивации к учебе и стремлениях. Старания и вложения матери они воспринимали как само собою разумеющееся. Если они не могли из-за собственной лени и недостаточного ума сдать сессию, то мать всегда была готова «разрулить» ситуацию по-своему, т.к. не было такого преподавателя, который бы не поставил зачет за определенное денежное пожертвование. Вся зависть и неоправданные надежды тетки, боль от разочарования собственными детьми и их неблагодарность и безучастие по отношению к ней она спроецировала на злосчастную Татьяну. В глубине своего подсознания она хотела высказать все это своим отпрыскам, но под руку попадалась Татьяна, став девочкой для эмоциональной разгрузки и битья. Тетка мечтала, что ЕЕ дети будут сдавать экзамены на отлично, что ЕЕ дети, захотят покорять зарубежье, что ЕЕ дети, будут помогать ей по дому и ухаживать за братом-калекой и старой сварливой бабушкой. Она хотела, чтобы ЕЕ дети приходили к ней чаще и беседовали о семейных историях и делились своими планами на жизнь. Но все это делала чужая девочка, ненависть к которой была у нее в крови, и которая, несмотря на все происки и удары судьбы, оставалась отзывчивой, вежливой и готовой помочь, даже когда она за это получала только психологические тумачи. И в этот момент тетка ненавидела Татьяну еще больше, потому что чувствовала Татьянино превосход-

ство над ней в ее благородстве, бескорыстности и милосердии. Тетка поняла, что лишилась последнего козыря, рычага психологического давления и причины для издевки над Татьяной, утратив свое финансовое превосходство. Ее злобе не было границ. Тетка стала не нужна даже ненавистной Татьяне с ее вечными проблемами. Теперь не с кем будет играть в благородство и не на ком будет вымещать свои комплексы недолюбленной матери, тщетно ждущей благодарности от детей. К сожалению, в момент разгара теткиной тирады Татьяна не понимала истинных движущих мотивов своей взбеленившейся родственницы. Когда на человека выливается ведро словесных нечистот, сложно абстрагироваться и пожалеть извергающегося индивидуума. До такого уровня милосердия Татьяна еще не доросла. А ввиду того, что в последнее время психика Татьяны и так была изрядно надломлена бесконечными рассуждениями о своем месте в социуме, разыгравшееся теткой неврастеническое представление ударило залпом пушечного ядра по качающейся Татьяниной самооценке. Она вежливо, но уже подергиваясь от нервного напряжения, попросила забрать свои немногочисленные вещи, которые хранились у отца на случай ночевки, распрощалась с родственниками, запихав наскоро вещи в пакет, извинилась за неудобства и вылетела пулей из подъезда к автобусной остановке. Ей хотелось просто спрятаться в темный-темный угол, накрыться с головой каким-нибудь светонепропускающим покрывалом и забыть всех, кто ее окру-

жал. Исчезнуть из этого мира, где она все равно никому не представляет никакой ценности, где она никчемная, непривлекательная, неблагодарная, где ее никто и нигде не ждет.

Чтобы максимально избежать общества, она решила поехать к Даринкиной маме. Ключ от дома в свое время ей завещала сама Даринка, ее мама же убедила Татьяну, что ей рады в любое время дня и ночи, что она без предупреждения может приходить ночевать, когда хочет, и оставаться на сколько хочет. Татьяна, естественно, не злоупотребляла гостеприимством и, как уже было упомянуто ранее, разбавляла посещения Даринкиного дома ночевками у нас. В виду природной деликатности и вежливости Татьяна всегда сообщала коротким звонком о том, что собирается навестить Даринкину маму. В этот раз Татьяна направилась напрямиком в убежище, с негодованием глянув на испутившую дух батарею сотового телефона. Она хотела подзарядить его у отца, но зубодробительная сцена в исполнении тетки и отмолчавшийся по этому поводу отец напрочь дезориентировали Татьяну, и она осталась без связи, торопясь покинуть чокнутых родственников.

Даринкин дом находился в другом конце города, и ехать до него было больше часа общественным транспортом. Было уже около восьми вечера, что в Сибири в середине января означало глубокую морозную ночь. В маршрутке Татьяна куталась в свою дубленку, растирая руки и активно дыша на озябшие пальцы. Это немного отвлекло ее от случившегося.

Она пообещала себе больше не вступать в контакт с этим семейством, а когда наступит день ее отъезда, просто отошлет вежливую СМСку своему отцу с благодарностью за все, и на этом их семейные узы будут навсегда разорваны. Она поняла, почему ее сильная и инициативная мать бросила ее отца с двумя маленькими детьми на руках: лучше надеяться на саму себя, чем иметь рядом человека, не способного отстаивать свои права и права своих детей, своей семьи. Татьяне было обидно так разочароваться в человеке, плотью и кровью которого она была. Она погрязла в жалости к самой себе и в страхе когда-то стать на него похожей. Он уже давно не помнил, что такое быть сильным телом, став инвалидом, но что такое быть сильным духом – он никогда не знал. Она дала ему шанс на реабилитацию перед ней и перед ее семьей, она протянула ему руку и предложила тем самым стать ей другом, когда у него больше не было возможности быть ей отцом. Но в тот момент, когда одним лишь словом он мог навсегда заслужить ее признание, он малодушно промолчал и позволил своей сестре беспричинно втоптать в грязь человека, который открыл ему путь к спасению его души. В этот вечер отец Татьяны навсегда был вычеркнут из ее жизни.

В доме зажегся слабый свет, когда, почуввав приближение Татьяны, залаял пес. Татьяна, не желая в столь поздний час сталкиваться с заспанной Даринкиной мамой и чувствовать себя виноватой за ее нарушенный сон, кралась в темном ко-

ридоре на цыпочках, предательски шурша пакетом с вещами. Вдруг яркий свет резко ударил в глаза, когда она поравнялась с дверным проемом, ведущим в ванную. Щурясь от неожиданной вспышки, она распознала высокий, широкоплечий мужской силуэт. От неожиданности того, что в доме присутствует какой-то мужчина, а не одинокая мама, Татьяна взвизгнула, бросила свои вещи и понеслась в свою комнату, заперев дверь на ключ. Первая мысль, посетившая ее, была драматичной: кто-то ворвался в дом, напал на бедную Даринкину маму и теперь убьет или изнасилует и саму Татьяну. Она забилась в угол комнаты и не знала, что делать. Сердце билось в припадках, она начала плакать и вжиматься в стену еще сильнее, предчувствуя скорую кончину. Силуэт, привидевшийся ей, не был похож на образ Даринкиного отца, которого Татьяна видела только на фотографиях: невысокий, грузный, розовощекий, круглолицый мужчина. Запечатлевшийся в ее памяти отец-карапуз, никак не был сопоставим с увиденным мужчиной в дверном проеме. Версия о том, что Даринкин отец вернулся из командировки отпала. Версия же, что одинокая мать, не выдержавшая груза своего положения, начала искать утешение в обществе скоропостижно овдовевшего симпатичного соседа, не пришла Татьяне в голову, поэтому она так же дрожа от напряжения сидела на полу в углу, в своей дубленке и шапке набекрень.

В дверь робко постучались. Мягкий женский голос позвал Татьяну по имени. Татьяна узнала голос своей покровитель-

ницы и всхлипывая, приходя в себя в облегчении, бросилась к ней на шею, понимая, что, возможно, на нервной почве и из-за общей усталости после насыщенного эмоциональными потрясениями дня у нее просто возникли галлюцинации. Даринкина мама, странно глядя на Татьяну, осторожно отпрянула от нее и как-то неестественно вежливо спросила, почему она не позвонила и не предупредила о своем визите. Непривычная интонация в голосе хозяйки дома заставила Татьяну заподозрить неладное.

– Батарея на телефоне села уже несколько часов назад. Негде было зарядить. Простите пожалуйста, мне очень неудобно вас беспокоить так поздно. Я просто хотела взять кое-какие вещи. Я сейчас все соберу и уйду.

– Хорошо, – ответила Даринкина мать.

В воздухе повисла напряженная тишина. Вдруг на Татьяну снизошло озарение: никогда при нормальных жизненных обстоятельствах эта сердобольная женщина не выпустила бы Татьяну в -30 с баулом вещей из дома в десять часов вечера. Татьяна сделала вид, что ничего не видела, не слышала, и ни о чем не догадалась.

– Татьяна, тебя так долго не было. И Дарина уже больше полугода за границей... мне так одиноко, понимаешь? А ведь я еще молодая и привлекательная женщина, – пыталась оправдаться Даринкина мать сама перед собою.

– Бесспорно, вы красивая, молодая и привлекательная женщина, – подтвердила Татьяна, сгребая с полок свое доб-

ро в новый пакет. – и я вас прекрасно понимаю, – дополнила она после некоторой паузы, продвигаясь из комнаты к выходу, – Остальные вещи я заберу попозже. У меня еще от отца сумка. Я обязательно позвоню в следующий раз.

Татьяна вышла на улицу с двумя большими пакетами вещей и своей походной сумкой. На улице было жутко холодно. Крещенские морозы пробирались до самой души и замораживали до отмирания все живое, что в ней было. Идти до остановки и ловить маршрутку в это время было бесполезно. Мертвый телефон не давал надежды вызвать такси. Татьяна поплелась в сторону проезжей части с целью выцепить какого-нибудь бомбилу. Пластиковые пакеты окоченели и трещали, как взрывающиеся петарды, ударяясь о Татьянины колени, пальцы рук костенели от их тяжести и нестерпимого холода. Татьяна шагала по хрустящему снегу, и ее слезы в этих погодных условиях превращались в маленькие колкие льдинки на щеках.

Около одиннадцати затрезвонил домофон. Мы еще не готовились ко сну, но гостей явно не ожидали. Вдвоем мы подбежали к домофону и настороженно спросили, кто там. Хриплый Татьянин голос без лишних формальностей ответил:

– Есть 200 рублей? Таксист ждет.

Мы поняли, что друг в эмоциональном потрясении и выбежали с деньгами на улицу. Помогая Татьяне затаскивать

вещи в квартиру, мы боялись что-либо спросить. Она вся дрожала от холода. Соседка поставила чайник на газ, я набрала горячую воду в ванную и настойчиво приказала Татьяне расслабиться и не торопиться.

В холодильнике было вино, щедро складированное моим другом-поваром. Мы поставили на стол все, чем были богаты, разлили вина и ждали из ванны отогревшуюся Татьяну. Из ванны не доносилось ни звука. Опустошив по бокалу вина в полной тишине, мы с соседкой на цыпочках подкрались к двери ванной комнаты, чтобы проверить ситуацию. Из-за двери все еще раздавалась тишина, нарушаемая редкими падающими каплями воды из крана. Вдруг дверь распахнулась. Мы все так же, не успев сгруппироваться, стояли в позе полубумеранга. Татьяна в любой другой день расхохоталась бы над этой картиной и отвесила бы меткий комментарий. Но в этот день она, вместо того, чтобы прятаться за фасадом непринужденных бесед, шутить сквозь слезы и отвлекаться таким образом от внутренних эмоциональных бурь, как она это любила и мастерски умела делать в моменты особого отчаяния, предпочла не притворяться. День был настолько невыносимым для нее, что не осталось никаких сил испытывать свое актерское мастерство. Она, с одной стороны, хотела обработать информацию и эмоции, обрушившиеся на нее, с другой стороны, она была настолько обескуражена всем случившимся, что просто молча прошла мимо нашей оцепеневшей скульптуры, оставившись перед собой,

будто глядя сквозь материю. Она была молчалива. А мы были тактичны, чтобы не расспрашивать ее о неприятных событиях, которые ввели ее в это состояние анабиоза. Соседка не выдержала этой психологической атаки и начала что-то тараторить про тупого одноклассника, усаживаясь, как птичка на жердочке на доске узкого подоконника, открывая форточку и зажигая сигарету. Татьяна сидела за столом на кухне, отхлебывая гигантскими глотками вино. Вдруг она, не обращая внимания на рассказ соседки, медленно и совершенно леденящим душу голосом спросила:

– Что-то я не припомню, когда у тебя собеседование на визу?

Вопрос был обращен ко мне. В нашем сумасшедшем ритме жизни с бесконечным кутежом за счет общего благодетеля, заполучив заветный билет в страну своей мечты, Татьяна как-то потеряла из виду тот факт, что я, подбившая нашу компанию на миграцию, все время как бы была в теме, но не делилась подробностями продвижения плана. Татьяна, пребывавшая в эйфории от скорой и неизбежной поездки, почему-то была уверена, что я, которая вела себя так, будто и мой заветный билет уже пылится на полке, тоже все организационные моменты с поездкой в США уладила. И почему-то теперь она, сложив все кусочки пазла в единую картину, осознала, что про мою часть плана она ничего не знала. И это было не удивительно. Каждый раз, когда вдруг разговор заходил о летней поездке и оформлении документов,

я грамотно сворачивала беседу в любое направление, лишь бы собеседник забыл исходный пункт диалога. Уже несколько месяцев назад я отказалась от поездки в США в пользу учебного места в вузе Германии. После долгих размышлений и внутренней борьбы внешних соблазнов и дальновидных планов, я поняла, что не хочу работать на трех работах за 3 доллара в час и перебиваться странными ночлежками, переезжая из места в место, ища адекватное жилье. Мне нравилось учиться и ощущать себя частью академического мира. К сожалению, быдло-университет из которого мы рвались за границу, не давал мне должного уровня образования. Я чувствовала, как деградирую в этом «учебном» заведении и становлюсь лишь циничнее и человеконенавистнее. Я долго копалась в интернете и искала способы исследовать Европу. То, что жить и существовать в России-матушке мне не хотелось, я поняла сразу по приезду из США. Но гнаться за американской мечтой мне тоже, как оказалось, претило. Через свои старания, упорство и таланты в Америке можно было достичь чего угодно. Но я понимала, что талантов у меня не было, а достичь чего-то мне хотелось скорее интеллектом, эрудицией, профессионализмом в совокупности с личностными качествами, нежели чем вкалывая на износ по три смены в смутных заведениях. Все это я уже проходила во время своего пребывания в США. И долгосрочная перспектива такого образа жизни меня откровенно пугала. Я тайком собрала документы для поступления в немецкий вуз

и со дня на день ждала справку о зачислении, о котором меня уже информировали по электронной почте. Именно поэтому я так же наслаждалась жизнью и развлекалась на всю катушку, т.к. мой билет тоже был заказан. Но в другую страну. Сказать об этом Татьяне я боялась. Как-то не было подходящего случая. Она была слишком воодушевлена нашим совместным боевым будущим за бугром, она была слишком счастлива в эти моменты, представляя нашу троицу в городе ее мечты. У меня просто не хватило сил и смелости разбить ее идеальную мечту, сказав, что я их предала, приняв решение в пользу своих интересов.

– Слушай, на тебе лица нет. К чему эти вопросы? Рассказывай давай, что с тобой сегодня такое происходит, – попыталась увильнуть от ответа я.

Соседка подлила в бокалы вина. Я сделала несколько больших глотков и пытливо всматривалась в Татьянино лицо, настаивая на ответе, отбросив запланированную тактичность. Это был мой способ спастись в данный момент.

– Я тут подумала, что у нас нет какого-то четкого плана. У меня уже лежит билет со свободной датой. А у тебя даже еще нет даты на собеседование. А что, если эти консулы заерошатся и не дадут тебе визу? Мало ли. Есть же у них какой-то процент отказов. просто ты так пофигистически прогуливаешь универ, будто у тебя уже все решено. – очень медленно и задумчиво процедила Татьяна, глядя на меня, как на предателя.

– Главное, что Даринка пристроилась, уже миллион заработала и набралась нужных связей и контактов. Даже если я отколюсь по каким-то причинам, у тебя все будет хорошо. Соломка уже постелена, – приторным, неестественным голосом, так же взвешивая каждое слово, ответила я.

Но внутри у меня все дрожало. Я понимала, что грядет гроза. Почему она в таком состоянии и задает вопросы про меня и мои планы?

– Может быть, ты никуда не собираешься? – продолжала она.

– Милый мой дружок, я не понимаю, почему Вы так упорно сейчас допытываетесь до моих планов. Мы же видим, что Вы принесли все свои пожитки из всех своих пристанищ. Не хотите поделиться своими планами и приключениями за сегодняшний день? – мы иногда общались на «Вы» и любили разговаривать «высоким штилем», так как это всегда вызвало комичный эффект и разряжало обстановку. Особенно, когда мы начинали так дурачиться в присутствии посторонних людей или в общественном транспорте. Но почему-то в этом диалоге формы на «Вы» приняли скорее отстраняющие настроения.

– Да уж, дружок, у Вас отличная проницательность, денек сегодня выдался, действительно, не из легких. И венцом моих рассуждений о смысле жизни стала Ваша подстава. Признавайтесь-ка, ведь Вы хотите отступить от нашего намеченного плана? Это прекрасно впишется в концепцию се-

годняшнего дня, – она больно уколола меня последней фразой, чуя неладное.

– Может быть, мы обсудим мои планы в другой раз? Мне кажется, Татьяна, тебе нужно поспать и отключиться от всего, что бы с тобой ни произошло сегодня. Судя по пакетам и сумке, ты съехала сразу из двух домов. Я не буду тебя пытаться. Утром твои эмоции утихнут, и ты все нам расскажешь. А не захочешь, то и не надо. Как будешь готова, только скажи. Ты знаешь, что здесь ты всегда можешь рассчитывать на поддержку и помощь, какого бы рода она ни была. Сейчас могу, например, предложить тебе обнимашки.

Я подошла к ней и крепко-крепко сжала ее маленькое, все еще теплое и уютное от горячей ванны тело. Она, словно агрессивный загнанный еж, сидела на стуле обняв себя за колени и не раскрывалась для объятий.

– Я не поеду в США... Я поступила в немецкий университет и хочу учиться в Европе, – прошептала я ей в ухо, еще крепче обнимая ее, – но это никак, слышишь, никак не повлияет на исполнение ТВОЕЙ мечты. У тебя СВОЯ мечта, у меня оказалась немного своя. Ты умная, ты упорная, ты безгранично талантливая, тебе не нужна компания для достижения своей цели. Ты со всем справишься сама. Потому что ты безумно сильная и выносливая. И ты обязательно добьешься всего, о чем только пожелаешь. Поняла? Ты поняла меня? – начала я трясти ее за плечи, пытаюсь через это движение внушить ей ее собственную силу, – Ты должна верить

в себя. Ты должна любить себя. Ты должна всегда сохранять свою цель перед глазами и не верить никому, кто будет пытаться убедить тебя в том, что у тебя не получится или что ты недостаточно талантлива или не умна! – она молчала, напрягшись еще больше. – Я долго анализировала наши планы и поняла, что мне хочется немного другого. Да, было подло с моей стороны не говорить об этом. Но я до последнего не была уверена, что все получится. Америка была моим планом Б. И, если бы меня не зачислили в ВУЗ, никто бы и не узнал о мои «других» планах. Мне действительно жаль, что у тебя был напряженный день, и что новость о моих планах ты узнаешь таким вот образом. Но я повторяюсь: мое решение никак не должно на тебя и на твои мечты влиять. Дарина уже там. И она ждет тебя с нетерпением. А я пойду своей дорогой. Потому что я хочу все-таки жить своей жизнью и нести сама ответственность за свои поступки и решения. И ты так же должна быть верной своей цели и всем сердцем верить в успех и в то, что ты действительно этого хочешь. Я поняла, что США все-таки не совсем моя страна. Я надеюсь, что в Европе мне будет комфортнее. А если там не срастется, то двери в Америку всегда открыты. Нужно лишь желание, терпение и упорство. Тебе ли не знать. Поэтому США я буду всегда держать в голове в качестве запасного плана. Я бы не хотела начинать новую жизнь в другой стране, не попробовав европейскую жизнь, – я пыталась одновременно высказать свою точку зрения, оправдаться, загладить вину,

и поддержать Татьяну в ее стремлении.

– Ну что же ты молчишь? Что с тобой в конце концов? – не выдержала я и закричала на нее, потому что никак не могла достучаться до хоть какой-то реакции. – Давай только без лишних эмоций и драматизма. Ведь ты уже на полпути к своей цели! Я тебе не нужна.

Она молча подняла на меня глаза, не говоря ни слова, встала со стула и пошла решительно натягивать на себя одежду, в которой пришла.

– Эй, эй! ты куда это лыжи наострила? – удивилась моя соседка. – Уж полночь скоро! А на улице дикий мороз!

Она подбежала к Татьяне и положила руки ей на плечи, пытаясь удержать от решительной попытки натянуть на себя верхнюю одежду. Я уже стояла в дверном проеме, готовая оборонять выход в прихожую под страхом смерти. Я быстро закрыла входную дверь на ключ изнутри и вытащила его из замочной скважины.

– Да. Умная, выносливая, талантливая, и никому не нужна. Еще неблагодарная скотина, живущая за чужой счет. Скитаюсь, как бомж, из притона в притон, где кто покормит, где кто нальет, где кто денег даст, где кто одежду подкинет... Как собака бездомная. Только жалость у людей вызываю. Никому не нужна. Ни родственникам. Ни друзьям. Только лишь и вызываю раздражение, да чувство вины. Каждый живет своей жизнью, каждый принимает решения, какие хочет, а я только болтаюсь, как кусок говна, от одних

к другим и только мешаю всем жить. Тетке все глаза промозолила, отец вечно вздыхает и чувствует себя виноватым, Даринкина мать, чужой по сути человек, и тот просигналил мне, что я не ко двору и шла бы я подальше, т.к. мешаю ей СВОЕЙ жизнью жить, и теперь вот у тебя только лишь оправдания лезут. Какой-то я всем мешающий, неугодный и неудобный паразит! – подымая голос на последней фразе выпалила Татьяна.

Увернувшись от положенных на нее рук соседки и, минуя мою растянутую на пороге в прихожую фигуру, она все-таки накинула на себя дубленку. Она принялась натягивать на себя сапоги, не успевшие основательно просохнуть после ее прихода со стужи. Шапку свою она так же наскоро и небрежно нахлобучила на все еще мокрые после ваннных процедур волосы.

– Татьяна, друг мой милый, ну куда же ты собралась на ночь глядя? И что за глупости ты говоришь? – ласково заговорила я, обвив ее руками. – Если тебе очень хочется быть в верхней одежде, то можешь так оставаться. Но за эту дверь ты не выйдешь, по крайней мере пока не рассветет.

– Хватить ломать театры, девочки! Ну я же просто нахрен всех задолбала своими проблемами! Никому такой человек не нужен. Хватит притворяться. Мне надоели эти подачки и снисхождения! Эта дурацкая дружба из жалости. В итоге все равно окажется, что меня выбросят на помойку, как ненужного щенка. Поигрались, пока не напрягал. А как по-

явились СВОИ планы и СВОЯ жизнь, так на помойку эту обузу. Сбросить ненужный балласт с мешком комплексов и противоречий. Поиграли в подружек и расходимся каждый к своей мечте. Поиграли в дочки-матери и выкинуть на помойку, как только трахарь появился, поиграли в благородство, состроивши раскаявшегося отца, и язык в жопу засунули, пока авторитетная тетка говном поливает. Каждый думает только про свою жопу, про свою жизнь, и никому не нужен приживала, нахлебник без средств к существованию, который только жалость вызывает. И мне надо подумать о своей жизни, а не лезть в чужие и не пытаться играть роли, которые нахер никому не нужны! – закричала она.

– Хорошо, хорошо. Подумаешь об этом завтра, как Скарлетт Охара. Давай, раздевайся. Ты сейчас очень эмоциональна. У тебя был тяжелый день. И завтра ты не будешь и половины всего этого ощущать. У тебя сейчас немного гипертрофированное ощущение собственной ничтожности. Утром это пройдет, так как ты поймешь, какая ты балбеска, что наговорила такую чепуху, – пыталась смягчить обстановку я.

Но Татьяна начала по-настоящему истерить и кричать на меня, чтобы я прекратила эту комедию, что ей осточертели наши жалостливые взгляды и поблажки. Что она не дура и понимает, что жить втроем в одной комнате – это испытывать свое терпение, что кормить и поить ее никто не обязан и ей не нужны эти подачки. Что лучше она сдохнет под

мостом, чем будет находиться под одной крышей с людьми, которых она напрягает, притесняет и вызывает лишь сочувствие. Она вопила, уже трясаясь от ярости, полная решимости броситься в темноту ночи. Единственное, что ей препятствовало – это закрытая на ключ дверь.

– Открой дверь! – кричала она.

– Не открою, пока не успокоишься, – совершенно спокойно сказала я, не обращая внимания на все ее неприятные слова, которые она нам высказала в сердцах.

– Дай ключи! – настаивала она.

– Не дам. Даже не пытайся настаивать больше. Снимай верхнюю одежду, выпей, покури, поплачь. Но ты никуда не пойдешь, – так же спокойно вторила я.

– Открой дверь!! – злилась Татьяна, бесполезно цедя сквозь зубы свое приказание.

– Какие мы злые! – будто дразня взбеленившегося безобидного ребенка, не смогла удержаться я и расхохоталась.

– Отдай ключи, а то я буду громко кричать и тарбанить в дверь! – пригрозила она.

– Не будешь, – улыбнулась я и на всякий случай встала у двери, чтобы создать дополнительную преграду для выполнения Татьяниной угрозы.

– Выпусти меня! Я хочу уйти отсюда! – начала плакать в истерике Татьяна, понимая свою беспомощность.

– Ну куда же ты пойдешь? Ты только что перечислила все варианты, где тебя НЕ ждут. Заметь, отсюда тебя никто не

гонит. Даже насильно удерживают. Неужели не понятно, что нам не все равно? Давай-ка, ТЫ сама уже перестань ломать трагедию и комедию. Сейчас мы сделаем тебе офигительный коктейль из пустырника и валерьянки, а то что-то нервишки у тебя совсем расшалились, и ты ляжешь спать, – продолжала я гнуть свою линию.

– Да отстаньте вы все от меня! – зарычала Татьяна. — Достали, благодетели хреновы! Что вы ко мне прикопались? Бонусы в карму хотите заработать, призрев сиротку? До первого неудобного случая! А потом шуруй лесом, приживалка! – Татьяна была настолько потрясена цепью событий этого дня, что просто потеряла связь с реальностью и собирала в кучу все приходящие ей на ум обидные фразы, лишь бы как-то высказать свою внутреннюю боль и обиду. К тому же растекшееся по горячим венам вино обострило едкость фраз. Она кинулась на меня в попытке выхватить ключи из моей руки, крича:

– Пусти! Пусти! Хочу сдохнуть в этом проклятом городе, в этом ебучем морозе, облегчить вам всем жизнь!

Это было последней каплей. Я готова была вынести ее боль, вымещенную словесными упреками в мой адрес, но ее безумные мысли начали меня пугать.

– Так! Ну-ка закрой свой рот! – приказала я ей каким-то чужим не своим голосом.

Я засунула ключи в карман своих штанов, схватила Татьяну за грудки и поволокла в комнату как можно дальше.

Не знаю, откуда у меня появилось столько сил, чтобы оторвать Татьяну от пола всю целиком. Я чувствовала себя каким-то терминатором, который железной рукой вцепился в свою жертву. Ошарашенная от такого действия соседка забилась в угол дивана и схватилась обеими руками за голову, не зная, чего ожидать дальше. Ноги Татьяны подкосились, и она рухнула на пол. Лежа на полу в грузной дубленке, она барахталась на спине как толстый, неповоротливый майский жук, пытаюсь встать. Я уселась на нее сверху и стала молотить ее ладошками по лицу, что было сил, каждым ударом впечатывая сказанное слово:

– Какая! Же ты! дура! Мы! любим! Тебя! Любим! Понимаешь? Ты – наш друг! И мы переживаем! За! Тебя! Ты! Никуда! Не! Пойдешь! Не потому! Что нам! Тебя! Жалко! А потому! Что мы! Тебя! Любим! Ты – друг! Мы! Любим тебя! – каждый раз, когда я говорила слово «любим» удар был втрое сильнее.

Соседка спрыгнула с дивана и начала хватать меня за руки, пытаюсь оттянуть от Татьяны.

– Перестань ее бить! Хватит! – кричала она. – Хватит! Хватит! – уже нечеловеческим голосом захрипела она.

Тогда и я пришла в себя. Татьяна рыдала. Мои руки были мокрыми от ее соплей, слюней и слез. Я влепила ей последнюю пощечину изо всех сил, собрав все свое небезразличие к этому человеку, достала связку ключей из кармана и бросила ей прямо в лицо со всей силы, надеясь поранить ее тяже-

лыми металлическими брелоками. Я хотела, чтобы ей было больно физически, рассчитывая на то, что ее душевные муки немного притупятся от этой боли. Совершенно спокойно и безразлично я буркнула:

– На! Делай, что хочешь!

Я встала с ее обмякшего тела, которое все еще билось в истерике, взяла пачку сигарет из кухни и закрылась в ванной. Забыв включить свет, в полной темноте я оперлась о стену и, чиркая спичкой о коробок, медленно опустилась на пол, скользя спиной по стене, совершенно не желая знать, что происходит за закрытой дверью.

Озарение

Татьяна неуклюже попыталась подняться с пола. Соседка была в полном оцепенении и не решалась вымолвить ни слова. После произошедшей насильственной картины она понимала, что дальнейшие действия, теперь уже с ее стороны, были бы бесполезны. Татьяна, перевалившись в своей объемной зимней одежде на бок, молча встала, ощупала свое полыхающее лицо, и направилась к выходу.

Я сидела в темной ванной комнате и мне было почти все равно, уйдет она или нет. Я ощущала свою беспомощность и гнев на себя. Нельзя вытащить человека из петли, если он принял решение распрощаться с жизнью, как ни старайся и что ему ни говори. Все происходящее не было со стороны Татьяны криком о помощи. Именно помощи она как раз-таки и не хотела. Она хотела сделать что-то, что дало бы ей какое-то озарение, какую-то ясность в вопросах: кто она, чего хочет? В чем смысл ее существования? Куда она движется и зачем? До этого рокового дня она ощущала себя частью всего происходящего и неосознанно оправдывала свое существование в этом мире активным участием в общей системе, плане: вот она дочь – благодарная, покорная. Вот она, подруга – поддерживающая, сопереживающая. Вот она, студентка – способная светлая голова. Вот она, женщина – соблазнительная, преобразившаяся, увлекающая. Но в этот день все

ее роли, зависящие от других людей, рухнули.

Она вдруг с ужасом поняла, что она существует только в контексте этих людей. Что она и есть проекция, барометр своего окружения. Она вдруг оказалась той самой актрисой в театре жизни, для которой не было прописано сценария. И теперь ей нужно было импровизировать и как-то влиться в общий спектакль. И она не могла идентифицировать себя ни с одной из известных ей ролей. Потому что в этот день все они перестали существовать. Наверное, такое чувство испытывают матери, которые всю жизнь вложили в воспитание детей, а дети потом выросли и покинули родительский дом. Этот момент зачастую видится для матери концом света и потерей смысла жизни. Ведь все, ради чего она жила, отказалось от нее. Она чувствует себя выброшенной, использованной, ненужной и совершенно потерянной, без смысла для существования. Ведь больше никто не нуждается в ее поддержке, опоре, понимании, заботе. В этот переломный момент открывается болезненная и горькая правда, когда человек не понимает, как жить дальше. Художник рисует картины. Забери у него кисти и краски – и он сойдет с ума, потому что он – есть его картины. У Татьяны постепенно выпинывали из-под ног все идентифицирующие ее мостики: неудачи с парнями отключили в ней женщину. Конфликт с отцом отключил в ней роль дочери. Правда о том, что наша троица распалась ввиду разницы интересов, сломали ее концепт будущего. Выписка из университета лишила ее статуса мно-

гообщающей и перспективной студентки. Теперь, даже собрав вещи из своих альтернативных пристанищ и, по сути, не имея постоянного адреса проживания, она не могла привязать себя даже локально к чему-то. Полная дезориентация и отрыв от внешнего мира. Полное обнуление собственной значимости. Она знала наверняка лишь то, что она Татьяна. Все остальное было максимально неясно.

Единственное, что в этот момент могло помочь Татьяне – это побыть наедине с собой, задать себе все вышперечисленные вопросы и найти на них ответы, вне контекста других людей, а в глубине себя. Кто я без всех этих ролей и людей в моей жизни? Самый неудобный вопрос, который люди боятся задать себе. Потому что часто в качестве ответа скрывается горькая правда о бесконечной пустоте, одиночестве, бессмысленности.

Никто не хочет чувствовать себя ненужной и бесполезной пустышкой. Но именно это выясняется, когда мы отбрасываем все факторы, за которые цепляемся в течении жизни: мы не задумываемся о том, кто мы, пока все нити не оборвутся. Именно поэтому женщины цепляются за мужей-алкоголиков, а матери кричат своим «неблагодарным» детям, что они потратили на них всю жизнь. Именно поэтому люди живут годами несчастные в браке и спят с нелюбимыми под одним одеялом. Потому что, если забрать у всех них идентификационный объект, через который они чувствуют какие-то эмоции, они останутся наедине со своей бесконечной

пустотой. Лучше страдать, чем копнуть глубже и разобраться с тем, а кто же я и зачем живу. Потому что иногда только через страдания человек и чувствует себя живым.

Соседка постучалась в дверь ванной комнаты:

– Рита! Риит... Она ушла. Что делать будем?

Я молчала.

– Пойдем за ней, а? – молила она, – там ведь реально собачий холод. Мне страшно...

– Некуда ей идти. Или вернется, или, как и хотела, сдохнет под мостом, – открывая дверь и выходя на яркий свет ответила я.

– Какая ты бесчувственная скотина, все-таки. Я пойду ее искать. Далеко не ушла, наверняка, – психанула соседка и начала напяливать на себя теплые вещи.

– Делай, что хочешь. Я могу себе представить, что творится в ее голове. И лучшее, что мы можем сейчас сделать – это дать ей переварить все на этом сраном морозе, пока она не окоченеет. Когда ее паранойя отступит, она поймет, что нагородила ерунду и придет. И тут дело не в гордости. Все, что мы сегодня видели – это нервный срыв. Она умный, здравомыслящий человек. Накопилось у девочки, понимаешь? И бегать за ней сейчас и уговаривать вернуться – самое бессмысленное, что можно сделать. Если бы нас тут не было, или это была бы не однокомнатная квартира, и она бы могла забиться в какой-то угол и погрузиться пару часов- она

бы это сделала. Ей просто необходимо побыть одной. У нее сейчас все вселенная в голове взорвалась. Ты слышала, что она кричала? Трахарь, тетка, отец... все люди, которых она знала, сегодня выпнули ее «на улицу». И поэтому она туда так рвется. Когда очередь дойдет до нас, она, возможно, ползится на меня, но в итоге поймет, что мы-то ее никуда не выпинавали. И тогда она развернется, и придет сюда. В это время уже неопасно в такой мороз на улице. Кто хочет кого насиловать в -30? Грабить ее никто не будет. Она вон, даже сумку не взяла, – говоря это все соседке, я пыталась в первую очередь успокоить и себя, – подождем часик. Больше она в этом лютом холоде не вытерпит.

– Заболеет еще, – беспокоилась соседка.

– Сама виновата. Хватит ее жалеть. Да, ее мир пошел наперекосяк. И мой вклад в этом тоже есть, частично. Но что ее не убьет, сделает сильнее. Добро пожаловать в жестокий взрослый мир. Она справится с этим.

Мы пошли на кухню и налили еще вина.

– Я думала, ты ее убьешь...

– Мне кажется, я била ее не так сильно на самом деле, как это выглядело со стороны.

У соседки явно появился затаенный страх вмешиваться в конфликты со мной. Образ рестлера никак не вязался с моей Барби-внешностью и вечно позитивным настроем.

Было уже довольно поздно. И, несмотря на недавние события, от вина начало клонить в сон. Я разобрала диван, ко-

торый мы обычно делили с Татьяной в дни, когда она оставалась у нас, достала ее пижаму и свежие теплые носки, и положила возле ее места.

Раздался звук домофона. Не спрашивая, кто пришел, мы сразу открыли дверь. Соседка стояла в прихожей и ждала с нетерпением блудную Татьяну. Я пребывала на кухне – убирала остатки неудавшегося пиршества и мыла посуду. Я не намеревалась встречать Татьяну и заключать ее в объятия или устраивать какие-то беседы. Опухшее лицо Татьяны показалось в двери. Соседка закрыла за ней дверь и что-то тихо причитала. Я не могла разобрать слов. Проходя мимо разложенного дивана в сторону кухни, Татьяна увидела приготовленную пижаму с носками и горько улыбнулась. Когда мы все собрались снова на кухне, она заговорила:

«Здравствуйте, девочки. Простите за столь поздний визит. Меня зовут Татьяна. И я бездомная. Я люблю петь, рисовать и мечтаю выступить на сцене. А еще я люблю английский язык и этим летом уезжаю жить в Америку. Потому что там красивые высокие дома и дружелюбные люди. Пустите переночевать до отъезда?».

Какой-то детский, казалось бы, и глупый текст. Но это было самое серьезное осознание в ее жизни и самый маленький, но самый верный шаг на пути к ответу на самый главный вопрос: «кто я, если у меня ничего и никого нет?».

«Овца! – буркнула я. – Всем спать!» – и отчалила в на-

правлении дивана.

Я знала, что сердобольности соседки хватит, чтобы перекрыть мою немногословность. Татьяна же, все так же поглядывая на приготовленную ночную экипировку, прикусила губу и поняла, наконец, что здесь ее действительно любят и ждут.

Все идет по плану

События этого зимнего вечера больше никогда не вспоминались. Ни в шутку, ни в серьез. Жизнь пошла своим чередом, будто не было никаких истерик. Все всё поняли, нечего было обсуждать и вспоминать. Мы еще ходили иногда в университет на пары, которые доставляли удовольствие. Я рассказала Татьяне более подробно о городе, университете и учебе в Германии. Мы так же ходили тусоваться с нашим поваром и зарабатывали немного денег на подвернувшихся работах, просто ради удовольствия и для карманных расходов. Наша соседка оканчивала весной свою учебу на юридическом факультете и, имея отца в родном городе, который по связям уже подготовил ей будущее место работы, могла не беспокоиться о будущем. Получив диплом, она собрала свой чемоданчик и, желая нам всего хорошего, нежно распрощалась со своими странными сожительницами, желая продолжить общение по мере возможности. Хотя все мы теперь понимали, что каждый направляется по своему маршруту. Мы созванивались и переписывались с Даринкой чаще, рассказали ей об изменении плана, что, мол, я переориентировалась. Эту новость она восприняла с восторгом и сердечной радостью. Как оказалось, она была уверена, что суматошная американская жизнь скорее вогнала бы меня в диссонанс. Мою тягу к академическим сферам она на подсознательном уровне

не всегда чувствовала. И поэтому не была даже удивлена такому повороту сюжета. Татьяна и Даринка сблизились еще сильнее, понимая, что теперь все тяготы и радости жизни в Америке будут делить на двоих.

Я начала заниматься оформлением учебной визы в Германию и заочным поиском жилья. В общем, механизмы были запущены. Каждый из нас старался обезопасить свое будущее в новой стране по мере возможности.

В мае Татьяна начала собирать и сортировать вещи. Часть из них она хотела отвезти в родной город и раздать знакомым и родственникам. Часть отправилась в детский дом, недалеко от которого мы проживали, небольшую спортивную сумку с самым необходимым она приготовила для путешествия в США. Примерно за три недели до вылета она уехала в родной город, чтобы побыть с матерью и сестрой. Ведь уезжать Татьяна собиралась насовсем. А виза была только на три месяца. Это означало, что какое-то время ей пришлось бы находиться на территории США нелегально, пока она не найдет серьезный способ там задержаться: учеба, работа, брак. Когда бы подвернулась возможность снова приехать на родину – было неизвестно. Могли бы пройти годы, пока она закрепились бы в США по официальному статусу. Чтобы облегчить тяготы расставания с семьей, она решила провести остаток времени с ними. Я же пока оставалась в городе О, теперь уже одна в квартире, как это и было изначально преду-

смотрено по договору съема. Никто так и не узнал, что вместо одной квартирантки, на 25 квадратных метрах проживали три совершенно разные индивидуальности и что эта квартира стала таким спасительным пристанищем для всех нас. За пару дней до Татьянинного отлета я приехала в наш с ней общий город, чтобы попрощаться с ней на неопределенный срок. За эти пару лет мое сердце прикипело к этой неординарной личности, покоряющей не с первого взгляда. Некоторые люди как полевые цветы. Никогда не знаешь, насколько они прекрасны, пока не начнешь рассматривать их более детально и вдумчиво. Встретившись впервые с готической Татьяной на первом курсе университета и перекрестившись в душе несколько раз, я бы не смогла поверить, что именно это гуталиновое лицо запечатлит на себе шрам, нанесенный мною, блондинкой, на которую тогда и сама Татьяна посмотрела искоса, плюнув в сердцах на мое розовое пальто и 10-сантиметровую шпильку на сапогах.

Да, в качестве трофея за своё пробуждение Татьяна получила ссадину над губой от брошенных в неё ключей. Поначалу мне было стыдно за это увечье, но каждый раз, когда она смотрелась в зеркало и маскировала маленькое неровное пятнышко тональным кремом, я знаю, что где-то в глубине души она вспоминала: «Меня зовут Татьяна, и я люблю петь и рисовать».

Проводы были бурными. Наша соседка тоже не забыла навестить Татьяну перед вылетом. Мы кутили всю ночь, пели

песни на остановке и в переходах, бегали по родному городу, как сумасшедшие в странных нарядах и плакали, вспоминая студенческие тусовки, смеялись до боли в животе, радовались за начало новой жизни и расстраивались от понимания, что такие веселые, беззаботные совместные моменты нам еще долго не предвидятся.

В день икс, встретившись на вокзале, откуда Татьяна стартовала в Москву на рейс Москва-Нью Йорк, собрались ее близкие родственники и мы, две спутницы, ставшие не менее близкими. В напутствие мы вручили Татьяне прощальное письмо с наилучшими пожеланиями и распечатанными фотографиями на память о наших сумасшедших днях.

Татьяна же передала мне, как последней ещё оставшейся в городе О, письмо для своего отца с просьбой передать его адресату. Мы обнялись крепко-крепко. Я ущипнула обеими руками её за щеки и сказала: «Ты самая лучшая. Ты самая талантливая! И у тебя все получится! Никогда не забывай это!»

Плакала Татьянина мама, плакала бабушка, а мы были в состоянии эйфории. Совершенно не было грустно. Наоборот, было ощущение полного счастья и удовлетворения. Родственники не особо могли понять наши ликующие лица. Но мы знали, что именно так приходит осознание счастья: когда мечта сбывается. Мечта выстраданная, после долгих испытаний, неудач, разочарований, слез и минут отчаяния, когда ты готов опустить руки, когда тебе кажется, что все проис-

ходит лишь наперекор твоему желанию, когда ты начинаешь верить в происки и коварство вселенной, начинаешь читать знаки, говорящие тебе: «Брось эту затею», когда ты начинаешь сомневаться в себе, когда объективно нет ни одной причины, ведущей к осуществлению твоего желания, когда все твои попытки и старания снова натываются на препятствия, когда ты настолько изнеможен, ведомый своей мечтой, что готов смириться с тем, что это все недостижимо и совсем тебе уже не нужно; Когда ты начинаешь ненавидеть свою мечту за то, что она жалит тебя изнутри, и за то, что ты чувствуешь себя совершенно беспомощным. Вдруг проходит виток событий и происходит чудо. Все еще слабое, но капля за каплей оно возрождает тебя, испепелённого, почти перегоревшего, и вот, ты уже слабый и бессильный и уже просто лежишь по направлению к своей мечте, потому что двигаться ты больше просто не в состоянии, как вдруг оно происходит! Вот оно, счастье! Счастье сквозь слезы, сквозь боль и обиду, счастье сквозь претензии и вопросы – почему так долго и так больно? Но тем слаще и ценнее вкус победы. Тем дороже тебе каждая минута, крепко связывающая тебя с твоим желанием. Будто марафонец, пришедший к финишу после 42-ого километра пути, может, наконец, расслабиться и сказать себе: «Я сделал это!»

Все это можно было прочесть на наших лицах. Наблюдавшая за нами из окна уходящего поезда Татьяна знала, что кроется на самом деле за нашими сияющими физиономиями

в этот момент. Потому что мы прожили с ней каждую минуту ее отчаяния, ее испепеления и возрождения. И это был еще один момент озарения для Татьяны: момент настоящей дружбы. «... потому что там дома большие...» – едва слышно прошептала она машущим на перроне провожающим.

Эпилог

Татьяна по приезду в США довольно недолго перебивалась подработками в гастрономической сфере. Встретив парня своей мечты, который покорила ее своими красивыми ухаживаниями и смотрел на нее, как на богиню, она недолго думала по поводу его предложения связать их союз узлами брака. По случайности ли, или был в этом какой-то сакральный смысл, парень имел свою маленькую звукозаписывающую компанию и организовывал концерты начинающим нью-йоркским талантам, или же сдавал в аренду профессиональную технику для проведения мероприятий. Довольно творческий процесс, в который Татьяна влюбилась и помогала теперь уже своему мужу вести дела. Сначала в качестве ассистента, а потом и вовсе переняла полную организацию концертов и ведение аккаунтов в социальных сетях, разрабатывала рекламные концепты для фирмы и активно продвигала бизнес. Между делом, ради хобби и разнообразия повседневной работы, Татьяна выступала на разогреве у некоторых артистов, которые обращались к ним за техподдержкой и случайно узнавали, что Татьяна обладает ангельским голосом.

Так Татьяна успела засветиться даже на разогреве у кумира своей готической юности, Мэрилина Мэнсона и еще пары рок-групп, которые вызвали бы восторг у осведомленных

ценителей. Мечтая о сцене, на которой она была бы главной героиней, а не разогревом, она начала писать монологи для выступления в жанре стенд-ап и даже блистала под бурные аплодисменты на площадке одного из нью-йоркских комеди клубов. Там на нее обратили внимание и предложили сняться в комедийном сериале по заказу одного из американских каналов. Пробы она прошла успешно. Первые две серии были отсняты. Пилотная серия даже вышла в эфир. Но из-за отсутствия финансирования проект закрыли, и звездный час Татьяны остался только в рамках пилота. Но этого хватило, чтобы она поняла, что сцена все-таки, дело очень времязатратное. И, к сожалению, не всегда совместимое с ее деятельностью в фирме мужа. Когда заказов на проведение мероприятий было не так много, Татьяна углублялась в свою вторую страсть – рисование. Она открыла маленький бизнес по интернету, продавая бижутерию, сделанную своими руками по заранее нарисованным эскизам. Т.к. дело это было кропотливое и отнимало много времени, она переключилась на дизайн и пошла учиться в школу искусств. Теперь она так же активно продвигает свою маленькую фирму по созданию лейблов, корпоративного имиджа компаний, придумывает фирмам девизы и логотипы, и получает регулярно заказы на создание, развитие и продвижение корпоративной этики начинающих брендов не только в США, но и в России.

Свой онлайн-магазин бижутерии она переделала в магазин принтов. Там она предлагает уже готовые идеи, или же

принимает индивидуальные заказы на принты для футболок, обоев, скатертей, постельного белья, и вообще всего-всего, что можно сделать с душой и в единственном экземпляре. Этикетки, рисованные портреты на заказ, работы из эпоксидной смолы – фантазии и креативности нет предела. Здесь творческая душа Татьяны развернулась на полную катушку и приносит неплохой доход, т.к. в наше время штамповок и стандартов началась цениться индивидуальность и эксклюзивность.

Даринка тоже не стала закапывать свои таланты, обслуживая любителей фастфуда в забегаловках. Ее старт на пути образования в России был негладким. Она моталась в поисках себя, пока не осела в педагогическом институте. Еще во времена нашей совместной учебы она показывала, мягко говоря, феноменальные способности по информатике. Мы же с Татьяной, стопроцентные гуманитарии, бились головой о парту на каждой самостоятельной работе. Даринка часто спасала нас на экзаменах и проверочных работах, решая наши задания, щелкая как семечки, задачу за задачей. В итоге, приехав в США и подкопив достаточно денег для учебы, она поступила в технический колледж по специальности программирование, который своевременно окончила. Теперь наш талантливый друг работает успешно в этой сфере в одной американской компании, имя которой слишком известное, чтобы его называть.

Даринка остается по сей день Татьяниным самым близким

и родным человеком в США.

А что же было в письме Татьяны к отцу? Я не знаю. Я не стала передавать его лично в руки, а отправила его по Почте России на его домашний адрес. Возможно, оно потерялось на почте, возможно, тётка перехватила его в почтовом ящике и не передала его адресату, возможно, он получил его, но теперь уже нет обратного адреса для корреспонденции.

Мне очень не хотелось видеть ни его, ни по случаю, вполне возможно, присутствующую его чокнутую сестру. Всю боль Татьяны я переживала вместе с ней. И мне эти люди были настолько же неприятны, насколько сильны были воспоминания о той безумной полуночи, когда я избивала Татьяну. Да, она почти сломалась. Но она нашла в себе силы не поверить всему, что было о ней сказано. Даже когда весь мир и все семь миллиардов человек наперебой кричат, что вы не способны, не достойны, у вас ничего не получится, достаточно хотя бы одного человека, который тебе скажет: «Нет! Ты сильный, ты самый лучший! Ты талантливый! У тебя все получится!» И самое главное, чтоб этим человеком были вы сами. Ведь даже если те же семь миллиардов изменят свою позицию, и будут кричать, что вы самый потрясающий и талантливый, достаточно только одного-единственного человека в зеркале, который сам себе обрубит все пути к реализации.

Поэтому я надеюсь, что в том письме, адресованном отцу,

было лишь одно слово: «Спасибо.»

«...Нашедший себя подобен солнцу.»

Завершение японской поговорки.